

16+

*Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым*

*Для широкого круга читателей
Оқырмандардың кең ауқымына арналған*

Серия: БЕСТСЕЛЛЕРЫ САБЫ ТАХИР

Саба Тахир

УГОЛЕК В ПЕПЛЕ

Заведующий редакцией *Сергей Тишков*
Ответственный редактор *Мария Рожнова*
Технический редактор *Татьяна Тимошина*
Корректор *Екатерина Логунова*
Верстка *Юлии Анищенко*

Подписано в печать 28.01.2022. Формат 84×108/32
Печать офсетная. Гарнитура OriginalGaramond BT.
Бумага типографская. Усл. печ. л. 23,52
Тираж 3000 экз. Заказ №

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2022 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, Российская Федерация, Москва, Звёздный бульвар,
д. 21, стр. 3, ком. 705, пом. 1, этаж 7
Наш электронный адрес: ask@ast.ru
Интернет-магазин: book24.ru

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 - книги, брошюры печатные

Өндіруші: ЖШҚ «АСТ баспасы»
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үйі, 1-құрылыс,
705-бөлме, I жай, 7-кабат

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru, E-mail: ask@ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz, Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию
в республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92. Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Тауар белгісі: «АСТ Өндірілген жылы: 2022
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірген мемлекет: Ресей



Мы в социальных сетях. Присоединяйтесь!
https://vk.com/ast_mainstream
https://www.instagram.com/ast_mainstream
<https://www.facebook.com/astmainstream>



*Каши, который доказал,
что мой дух сильнее страха*

ЧАСТЬ I

ОБЛАВА

1: Лайя

Мой старший брат вернулся домой в самый темный час перед рассветом, когда призраки и те уже отдыхают. От него пахло сталью, углем и кузницей. Врагом.

Он ловко перепрыгнул через подоконник, беззвучно ступая босыми ногами. Следом ворвался горячий пустынный ветер, зашелестел занавесками. На пол выпал его альбом, и быстрым движением он пнул его под кровать, точно змею.

Где ты был, Дарин? В мыслях я набиралась мужества и спрашивала его об этом, и Дарин в ответ доверялся мне. *Куда ты все время исчезаешь? Почему? Ведь ты так нужен Поупу и Нэн. Ты нужен мне.*

Каждую ночь на протяжении почти двух лет я собираюсь спросить его об этом. И каждую ночь у меня не хватает смелости. Дарин — единственный, кто у меня остался. Я не хочу, чтобы он отдалился от меня, как от всех остальных.

Но сегодня все иначе. Я знала, что в его альбоме. Что это значит.

— Ты должна спать. — Шепот Дарина отвлек меня от тревожных раздумий. Это его почти кошачье чутье досталось ему от матери. Он зажег лампу, и я села в постели. Бесполезно притворяться спящей.

— Комендантский час давно начался, патруль уже три раза проходил. Я волновалась.

— Я знаю, как не попасться солдатам, Лайя. Это дело практики.

Он оперся подбородком о мою койку и улыбнулся ласково и насмешливо, совсем как мама. И посмотрел так, как обычно глядит, когда я просыпаюсь от кошмаров или когда у нас заканчиваются запасы зерна. *Все будет хорошо*, говорили его глаза. Он взял книгу с моей кровати.

— «Те, кто приходят ночью», — прочитал он название. — Жутковато. О чем она?

— Я только начала, о джиннах... — я запнулась. Умно. Очень умно. Он любит слушать истории так же, как я люблю их рассказывать. — Забудь. Где ты был? Этим утром Поуп принял с десятков пациентов, не меньше.

А мне пришлось подменять тебя, потому что он бы не справился в одиночку. И поэтому Нэн вынуждена была сама разливать джем по бутылкам. Вот только она не успела. И теперь торговец нам не заплатит, и мы будем голодать зимой. И почему, о небеса, тебя это ни сколько не волнует?

Но все это я произнесла мысленно. Улыбка уже исчезла с лица Дарина.

— Я не подхожу для целительства, — сказал он. — И Поуп об этом знает.

Я хотела смолчать, но вспомнила, каким был Поуп этим утром, вспомнила его плечи, сгорбленные словно под тяжким бременем. И вновь подумала об альбоме.

— Поуп и Нэн зависят от тебя. Хотя бы поговори с ними. Уж не один месяц прошел.

Думала, он скажет, что я не понимаю. Что должна оставить его в покое. Но он лишь покачал головой, лег на свой ярус кровати и прикрыл глаза, будто не желал утруждать себя ответами.

— Я видела твои рисунки, — слова торопливо слетели с моих губ.

Дарин тотчас вскочил, лицо стало непроницаемым.

— Я не шпионила, — пояснила я. — Просто один листок оторвался. Я нашла его, когда меняла утром циновки.

— А ты сказала Нэн или Поупу? Они видели?

— Нет, но...

— Лайя, послушай.

Десять кругов ада, мне не хотелось ничего слушать! Никаких его оправданий.

— То, что ты видела, — опасно, — предостерег Дарин. — Ты не должна об этом никому рассказывать. Никогда. Потому что это угрожает не только мне, но и другим...

— Ты работаешь на Империю, Дарин? Ты служишь меченосцам?

Он промолчал. Мне показалось, что вижу ответ в его глазах, и от этого мне стало дурно. Мой брат предал собственный народ? Мой брат на стороне Империи?

Если бы он тайно хранил зерно, продавал книги или учил детей читать, я бы поняла. Я бы гордилась им за то, что он способен на поступки, на которые у меня не хватило бы смелости. Империя устраивает облавы, сажает в тюрьмы и даже убивает за подобные «преступления», но учить шестилеток грамоте — вовсе не зло в представлении моего народа, книжников. Однако то, что делал Дарин, — это плохо. Это предательство.

— Империя убила наших родителей, — прошептала я. — Нашу сестру.

Я хотела закричать на него, но слова встали в горле комом.

Меченосцы завоевали земли книжников пятьсот лет назад, и с тех пор они только и делают, что угнетают наш народ и превращают нас в рабов. Когда-то Империя книжников славилась лучшими университетами и богатейшими библиотеками в мире. Сейчас же многие книжники не смогли бы отличить школу от оружейного склада.

— Как ты мог встать на сторону меченосцев? Как, Дарин?!

— Это не то, что ты думаешь, Лайя. Я объясню все, но...

Брат внезапно осекся, и когда я спросила об обещанном объяснении, взмахнул рукой, призывая замолчать. Он повернулся к окну. Сквозь тонкие стены доносился храп Поупа. Слышалось, как ворочается во сне Нэн, как за окном печально воркуют голуби. Знакомые звуки. Домашние звуки. Но Дарин уловил что-то еще. Лицо его побледнело, в глазах мелькнул страх.

— Лайя, — молвил он. — Облава.

— Но если ты работаешь на Империю... *зачем тогда солдатам устраивать на нас облаву?*

— Я не работаю на Империю, — его голос звучал спокойно. Спокойнее, чем я чувствовала. — Спрячь альбом. Он им нужен. За ним они и пришли.

Затем он вышел за дверь, оставив меня одну. Я еле двигалась. Босые ноги стали вдруг ватными, руки одеревенели. *Поторопись, Лайя!*

Обыкновенно Империя устраивала облавы среди бе- ла дня. Солдаты хотели, чтобы все происходило на гла- зах женщин и детей книжников. Чтобы соседи видели, как чьих-то отцов и братьев лишают свободы. Но какими бы ужасными ни казались дневные облавы, ночные были еще страшнее. Их устраивали тогда, когда Импе- рия не желала оставлять свидетелей.

Я думала, явь ли это? Может, это кошмарный сон? *Нет, все происходит на самом деле, Лайя. Так что шевелись!*

Я кинула альбом из окна в живую изгородь. Не слиш- ком надежное место для тайника, но у меня не было вре- мени, чтобы найти другое. Нэн, прихрамывая, вбежала в мою комнату. Ее руки, такие уверенные, когда она пере- мешивала джем в чанах или заплетала мне косы, метались в отчаянии, словно обезумевшие птицы. *Поторопись!*

Она вытащила меня в коридор. Дарин и Поуп стояли у задней двери. Серые волосы бабушки были всклоко- чены и торчали словно стог сена, одежда измята, но на морщинистом лице не было и следа сна. Он что-то ти- хо сказал Дарину, а затем передал ему самый большой кухонный нож Нэн. Не знаю зачем — против клинков меченосцев, выкованных из серракской стали, нож был абсолютно бесполезен.

— Уходите с Дарином через задний двор, — взгляд Нэн метался от окна к окну. — Пока они не окружи- ли дом.

Нет, нет, нет.

— Нэн, — выдохнула я, споткнувшись, когда она подтолкнула меня к Поупу.

— Спрячьтесь в восточном конце квартала... — ба- бушка внезапно осеклась, не своя взгляда с одного из

окон. Сквозь изношенные занавески я уловила смутные очертания серебряного лица. Внутри все сжалось.

— Маска, — охнула Нэн. — Они привели маску. Беги, Лайя. Пока они не вошли в дом.

— Но что будет с тобой? С Поупом?

— Мы их задержим. — Поуп нежно подтолкнул меня к двери. — Храни свои секреты, любимая. Слушайся Дарина. Он о тебе позаботится. Беги.

Тень брата заслонила меня. Дверь за нами захлопнулась, и он взял меня за руку. Дарин пригнулся, растворяясь в теплой ночи, бесшумно двигаясь по сыпучему песку заднего двора с уверенностью, которой мне, к сожалению, очень не доставало. И хотя мне уже семнадцать и я достаточно взрослая, чтобы справиться со страхом, но все равно я схватилась за его руку как за спасительную соломинку.

Дарин сказал, что не работает на них. Тогда на кого он работает?

Каким-то образом он сумел подобраться близко к кузницам Серры и смог зарисовать в деталях, как делают самое ценное достояние Империи: несокрушимые изогнутые клинки, которые одним ударом способны рассечь трех человек.

Пятьсот лет назад Империя книжников пала под натиском меченосцев в первую очередь потому, что наши мечи были слишком хрупки против их превосходной стали. И за все это время мы ничуть не продвинулись в кузнечном ремесле. Меченосцы хранят свой секрет так же бережно, как скряга стережет золото. Любой, кто будет пойман поблизости от городской кузницы без уважительной причины — будь то книжник или меченосец, — рискует жизнью. Если Дарин не работал на Империю, как он смог подобраться так близко к кузницам Серры? И как меченосцы узнали о его альбоме?

В переднюю дверь постучали кулаком. Послышались грохот сапог и звон стали. Я испуганно огляделась во-

круг, ожидая увидеть серебряные доспехи и красные плащи легионеров Империи, но двор был пуст. Несмотря на ночную прохладу, по шее градом катился пот. В отдалении я услышала бой барабанов, доносящийся из Блэклифа — военной академии, где обучались будущие маски. От этих звуков мой страх усилился и словно игла впился в сердце. Империя не посылает этих чудовищ с серебряными лицами на рядовую облаву.

Снова раздался стук в дверь.

— Именем Империи, — прогремел раздраженный голос. — Приказываю вам открыть дверь.

Мы с Дарином застыли точно изваяния.

— Не похоже, что это маска, — прошептал Дарин.

Маски говорят вкрадчивым шепотом, который проникает в тебя как острие меча. За то время, что понадобится легионеру постучаться и зачитать приказ, маска уже проникнет в дом, рассекая клинком любого, кто встретится на пути. Я поймала взгляд Дарина и поняла, что мы думаем об одном и том же. Если маски нет с остальными солдатами у передней двери, то где он?

— Не бойся, Лайя, — сказал Дарин. — Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Мне бы хотелось ему верить, но ноги, точно кандалами, сковало страхом.

Я вспомнила семейную пару, что жили по соседству: три недели назад на них устроили облаву, увели и затем продали в рабство. «Книжные контрабандисты», — сказали меченосцы.

Спустя пять дней одного из пациентов Поупа, девятилетоотрехлетнего старика, который едва мог ходить, казнили в собственном доме. Ему перерезали горло от уха до уха. «Сочувствовал Ополчению».

Что солдаты сделают с Нэн и Поупом? Посадят в тюрьму? Продадут в рабство? Убьют?

Мы добрались до калитки на заднем дворе. Дарин приподнялся на цыпочки, чтобы открыть задвижку, когда его остановил шорох в переулке за забором.

За спиной вздохнул ветер, вздымая в воздух облако пыли. Дарин отодвинул меня за спину и сжал нож так крепко, что побелели костяшки пальцев. Калитка открылась с протяжным скрипом. От страха по спине побежали мурашки. Через плечо Дарина я выглянула в переулок. Ничего. Только случайный порыв ветра, тихий шорох песка да закрытые ставни в домах спящих соседей. Я вздохнула с облегчением и обошла Дарина.

И в этот момент из темноты появился человек в серебряной маске и шагнул мне навстречу.

2: Элиас

Дезертир умрет до рассвета.

В пыльных катакомбах Серры он петлял точно подбитый олень. Он выбился из сил. Тяжелый горячий воздух здесь насквозь пропитан запахом смерти и разложения. Судя по следам, которые я нашел, он был здесь больше часа назад. Бедолага, стражники шли за ним по пятам. Если ему повезет, то его убьют во время погони. Если нет...

Не думай об этом. Надо спрятать рюкзак и выбираться отсюда.

Я просунул мешок с водой и запасами еды в потайное отверстие в стене, с хрустом раздвигая черепа. Элен устроила бы мне взбучку, если бы увидела, как я непочтителен к мертвым. Впрочем, узнай она, почему я здесь, осквернение останков стало бы далеко не главным обвинением.

Но она не узнает. По крайней мере, пока не станет слишком поздно. Чувство вины неприятно кольнуло, но я загнал его поглубже. Элен — самый сильный человек из всех, кого знаю. Она справится и без меня.

В сотый раз я оглянулся. В туннеле все было тихо и спокойно. Дезертир увел солдат в противоположную сторону. Но видимое спокойствие — лишь иллюзия, которой, как я знал, нельзя доверять. Я работал быстро, закладывая костями тайник, чтобы скрыть все следы. Все мои чувства обострились до предела.

Остался один такой день. Всего один день паранойи, скрытности и лжи. Один день до окончания школы. И я буду свободен.

Пока я передвигал черепа, горячий воздух в склепе за моей спиной заколебался, точно медведь пробудился от зимней спячки. Сквозь зловонное дыхание туннеля проникли запахи травы и снега. У меня было лишь две секунды, чтобы отступить от тайника и опуститься на колени, изучая землю, будто в поиске следов. Она подошла со спины.

— Элиас? Что ты здесь делаешь?

— Ты разве не слышала? Ищем дезертира, — ответил я, продолжая вглядываться в пыль.

Серебряная маска, закрывающая мое лицо ото лба до подбородка, не позволяла прочесть мои эмоции. Но почти каждый день из четырнадцати лет в Военной Академии Блэкклифа мы с Элен Аквиллой провели вместе, поэтому она вполне могла улавливать и то, о чем я думаю.

Она молча обошла меня, и я взглянул в ее глаза, такие же бледно-голубые, как теплые воды, омывающие южные острова. Моя маска сидела на лице как нечто чужеродное и скрывала черты так же хорошо, как и чувства. Но маска Элен вросла в нее и стала словно второй серебряной кожей. Я увидел, как она слегка нахмурилась, глядя на меня сверху вниз. *Расслабься Элиас*, — попытался я себя успокоить. — *Ты просто ищешь дезертира.*

— Он прошел не здесь, — молвила Элен. Она провела рукой по светлым волосам, заплетенным, как обычно, в тугую косу, венчающую голову словно платиновая корона. — Декс взял группу наемников с северной сторожевой башни и отправился с ними в восточную ветвь туннеля. Думаешь, они поймают его?

Наемники, хоть и не настолько хорошо обучены, как легионеры, а с масками и вовсе ни в какое сравнение не идут, все же считаются безжалостными преследователями.

— Конечно, они поймают его, — мне не удалось скрыть горечь в голосе, и Элен пристально посмотрела на меня. — Трусливый подонок, — добавил я. — Но почему ты проснулась? Не ты ведь на посту этим утром?

В этом я заранее удостоверился.

— Эти чертовы барабаны, — Элен осмотрела туннель, — разбудят любого.

Барабаны. Конечно. По случаю побега они прогремели в середине ночной смены. Все действующие силы на поиски дезертира!

Элен, должно быть, решила тоже поучаствовать в погоне. Декс, мой лейтенант, сказал бы ей, по какому направлению я ушел. Но он об этом даже не подумал.

— Я предположил, что дезертир мог пройти и этим путем, — я отвернулся от спрятанного мешка и посмотрел в сторону другого тоннеля. — Наверное, я ошибся. Мне надо догнать Декса.

— Как бы мне ни претила мысль признавать это, но обычно ты не ошибаешься, — Элен вздернула голову и улыбнулась мне.

Меня снова захлестнуло чувство вины, внутренности сжались в тугой узел. Она придет в ярость, когда узнает, что я наделал. Она никогда не простит меня. *Не важно. Ты принял решение и не можешь сейчас отступить.*

Элен со знанием дела провела по земле рукой, оставив след в пыли.

— Я никогда прежде не видела этот туннель.

Капля пота покатилась вниз по шее. Я постарался не обращать на это внимания.

— Здесь жара и вонь, — сказал я. — Как и в остальных туннелях.

Пойдем, — хотелось добавить мне. Но сказать это все равно что выбить себе на лбу татуировку: «Я задумал кое-что недоброе».

Я молча привалился спиной к стене, скрестив руки на груди. *Поле боя — мой храм.* Мысленно повторял я слова, которым научил мой дед в первую нашу встречу, когда мне было шесть лет. Он утверждал, что они обостряют ум подобно точильному камню, что заостряет лезвие. *Острие меча — мой пастырь. Танец смерти — моя молитва. Смертельный удар — мое освобождение.*

Элен всматривалась в мои нечеткие следы и продвигалась по ним к тайнику, куда я спрятал мешок, к черепам, заслонявшим потайное отверстие. Она явно что-то заподозрила, даже воздух между нами зазвенел от напряжения. *Черт возьми!*

Необходимо отвлечь ее. Элен стояла между мной и тайником, и я лениво обвел ее фигуру взглядом. Ростом она была около шести футов, буквально без двух дюймов, и на полфута ниже меня. Элен, единственная девушка-студентка Блэкклифа, носила, как и все, черную облегающую форму. Ее сильное стройное тело всегда привлекало восхищенные взгляды. Лишь я смотрел на нее иначе. Для этого мы слишком долго были друзьями.

Давай же, заметь! Заметь мой плотоядный взгляд и рассердись!

Когда Элен увидела, что я уставился на нее бесстыдно и жадно, как матрос, вернувшийся в порт, она открыла рот, словно хотела одернуть меня. Но затем вновь заинтересовалась тайником.

Если она увидит мешок с припасами и догадается о моих намерениях, я пропал. Скорее всего, ей будет противна мысль о том, чтобы сдать меня, но того требует закон Империи, а Элен никогда в жизни не нарушит закон.

— Элиас...

Я приготовился соврать. *Я просто хотел уехать на пару дней, Эл. Мне нужно время, чтобы подумать. Не хотел тебя беспокоить.*

БУМ-БУМ-БУМ-БУМ.

Барабаны.

Не задумываясь, по привычке я перевел удары в сообщение, которое они передавали: «*Дезертир пойман. Всем студентам немедленно построиться во внутреннем дворе*».

Сердце ухнуло вниз, внутри все сжалось. Какая-то наивная часть меня до последнего надеялась, что дезертир сумеет, по крайней мере, выбраться из города.

— Недолго за ним охотились, — произнес я. — Нам надо идти.

Я направился к главному туннелю. Следом, как я и думал, пошла Элен. Она скорее глаз себе выколет, чем не подчинится приказу. Вот уж истинный меченосец!

Предана Империи больше, чем родной матери. Как все маски-отличники Академии, она слишком близко к сердцу принимала девиз Блэклифа: «Долг превыше всего до самой смерти».

Мне даже стало интересно, что бы она сказала, если бы выяснила, чем я на самом деле занимался в туннеле. Что бы почувствовала, узнай, как я ненавижу Империю. Как бы, в конце концов, поступила, если бы обнаружила, что ее лучший друг намерен дезертировать.

3: Лайя

Человек в маске вошел во двор, его большие руки были свободно опущены. Странный металл его маски покрывал лицо от лба до подбородка точно серебряная краска, на которой читалась каждая черта, от тонких бровей до твердых скул. Медная броня, облегающая каждый мускул, подчеркивала мощь его тела.

Порыв ветра взметнул черный плащ.

Маска оглядел задний двор с таким видом, будто заявился на вечеринку. Затем бледные глаза задержались на мне, скользнули по изгибам тела и остановились на лице. Взгляд безразличный и холодный, точно у рептилии.

— А ты красотка, — произнес он.

Я одернула подол сорочки, отчаянно жалея, что сейчас на мне не бесформенная юбка длиной до пят, которую я обычно ношу днем.

Маска даже не шевельнулся. Ничто в нем не выказывало его мыслей. Но я вполне могла догадаться. Дарин шагнул вперед, заслоня меня собой, и посмотрел за забор, словно рассчитывая, как быстро можно туда добраться.

— Я один, парень, — маска обратился к Дарину все с той же безучастностью мертвеца. — Остальные люди у вас в доме. Можешь бежать, если хочешь. — Он отступил от ворот. — Но только если ты оставишь девчонку.

Дарин поднял нож.

— Как благородно с твоей стороны, — молвил маска.

Затем он ударил, ослепив на мгновение вспышкой меди и серебра, словно молния прорезала безоблачное небо. Я едва успела вздохнуть, а маска уже ткнул моего брата лицом в песок, прижимая коленом извивающееся тело. Нож Нэн упал в пыль. У меня вырвался крик, такой одинокий в тишине летней ночи. А спустя несколь-

ко секунд острие меча уперлось мне в горло. Я даже не видела, как маска вынул оружие.

— Тихо, — приказал он. — Руки вверх. А теперь ступайте в дом.

Одной рукой он удерживал Дарина за шею, второй — клинок, которым подталкивал меня. Мой брат хромал, лицо было разбито в кровь, глаза смотрели ошарашенно. Когда он попытался вырваться, забившись словно рыба на крючке, маска лишь крепче сжал хватку.

Задняя входная дверь распахнулась, и оттуда вышел легионер, облаченный в красный плащ.

— В доме все тихо, командир.

Маска толкнул Дарина к солдату.

— Свяжи его. Он сильный.

Затем он схватил меня за волосы, накручивая их на руку, пока я не вскрикнула.

— М-м-м, — он наклонился к моему уху, и я съежилась от страха, сковавшего горло. — Мне всегда нравились темноволосые девушки.

Я подумала, есть ли у него сестра, жена, мать. Но даже если и есть, это ровным счетом ничего не значило. Я для него не часть чьей-то семьи. Я — безликое существо, которое надо подчинить, использовать и выбросить. Маска поволок меня по коридору в гостиную с той же небрежностью, с какой охотник тащит свою добычу.

Борись, — приказала я себе. — Борись!

Но он как будто почувствовал мои слабые потуги приободрить себя, тотчас его рука сжалась, и вспышка боли пронзила голову. Я обмякла, позволив ему волочить меня дальше.

В гостиной посреди перевернутой мебели и разбитых банок с джемом плечом к плечу стояли легионеры. Теперь нам нечего предложить торговцу. Столько дней мы провели над кипящими котлами! Волосы, кожа насквозь пропахли абрикосами и корицей. Столько банок мы прокипятители, высушили, наполнили джемом и запечатали! И все зря. Все впустую.

В комнате горели лампы. В центре стояли на коленях Нэн и Поуп со связанными за спиной руками. Солдат, что держал Дарина, толкнул его к ним на пол.

— Мне связать девушку, сэр? — спросил другой солдат, указав на веревку, висевшую у него на ремне, но маска просто втиснул меня между двумя крепкими легионерами.

— Она не доставит нам неприятностей, — он сверкнул на меня глазами. — Не так ли?

Я покачала головой и сжалась, проклиная себя за трусость. Рука невольно потянулась к потускневшему браслету на предплечье, коснулась знакомых узоров. Он достался мне от матери и всегда придавал мужества. Но не в этот раз. Вот мама боролась бы. Она скорее умерла бы, чем перенесла такое унижение. Но я не могла заставить себя двинуться с места. Меня сковал страх.

Легионер вошел в комнату. На лице отразились тревога и страх.

— Его здесь нет, командир.

Маска смерил моего брата взглядом.

— Где альбом?

Дарин молча смотрел перед собой. Он дышал тихо и размеренно и больше не выглядел ошеломленным. На самом деле он был почти спокоен.

Маска сделал какой-то жест, едва заметное движение. Один из легионеров поднял Нэн за шею и пригвоздил ее хрупкое тело к стене. Она закусил губу. Ее глаза сверкали синевой. Дарин дернулся, пытаясь подняться, но другой солдат силой одернул его назад. Маска подобрал осколок разбитой банки и, высунув язык точно змей, попробовал джем.

— Досадно, что все это пропадет. — Он нежно провел по лицу Нэн краешком осколка. — Ты, верно, была когда-то красавицей. Такие глаза. — И повернулся к Дарину. — Может, мне их вырезать?

— Он на улице, под окошком маленькой спальни, в живой изгороди, — смогла лишь прошептать я, но солдаты услышали.

Маска кивнул, и один из легионеров исчез в прихожей. Дарин не смотрел на меня, но я почувствовала его смятение. *Зачем ты просил спрятать его,* — хотелось мне крикнуть. — *Зачем ты вообще принес эти проклятые рисунки в наш дом?!*

Легионер вернулся с альбомом. Мгновение, когда тишину нарушал лишь шелест листаемых маской страниц, казалось, растянулось до бесконечности. Если остальные рисунки были такими же, как на том листке, что я нашла, то нетрудно догадаться, что увидит маска: ножи меченосцев, мечи, ножны, кузницы, формулы, инструкции — то, что ни один книжник не должен знать, а уж тем более воспроизводить на бумаге.

— Как ты попал в Оружейный квартал, юноша? — маска поднял глаза от альбома. — Неужели Ополчение подкупило какого-нибудь рабочего-плебея, чтобы ты проник внутрь?

Я еле сдерживала рыдания. Меня раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, я испытывала облегчение от того, что Дарин не предатель. С другой — злилась на него за то, что он оказался таким дураком. Если ты связан с Ополчением книжников, тебя неминуемо ждет смертный приговор.

— Я сам пробрался, — проговорил мой брат. — Ополчение здесь ни при чем.

— Тебя видели у входа в катакомбы прошлой ночью после комендантского часа, — произнес маска со скукой в голосе. — В компании известных ополченцев-книжников.

— Прошлой ночью он пришел домой задолго до комендантского часа, — вмешался Поуп.

Ложь из уст дедушки звучала непривычно. Но это ничего не изменило. Маска не сводил глаз с моего брата. Он ни разу не моргнул, изучая лицо Дарина, словно читал его так же, как я читаю книгу.

— Тех ополченцев схватили и арестовали, — сказал маска. — Один из них перед смертью назвал твое имя. Чем ты с ними занимался?

— Они просто увязались за мной, — Дарин говорил совершенно спокойно. Как и раньше. Словно он вообще ничего не боялся. — Я никогда не встречал их прежде.

— А ведь они знали о твоём альбоме. Расскажи мне об этом. Как они о нём узнали? Что они хотели от тебя?

— Я не знаю.

Маска вдавил осколок стекла в мягкую кожу под глазом Нэн, и ее ноздри затрепетали. Струйка крови побежала по морщинке на ее щеке. Дарин резко выдохнул, только тем и выдав свое напряжение.

— Они просили мой альбом, — сказал он. — Я отказал им. Клянусь.

— А где их убежище?

— Я не видел. Они завязали мне глаза. Мы были в катакомбах.

— Где именно в катакомбах?

— Я не видел. Они завязали мне глаза.

Маска довольно долго смотрел на моего брата. Не знаю, как Дарин мог оставаться невозмутимым под этим взглядом.

— Ты готовился к этому, — нотки удивления проскользнули в голосе маски. — Прямая спина. Глубокое дыхание. Те же ответы на разные вопросы. Кто учил тебя, юноша?

Когда Дарин не ответил, маска пожал плечами.

— Несколько недель в тюрьме развяжут тебе язык.

Мы с Нэн испугано переглянулись. Если Дарин окажется в тюрьме меченосцев, мы больше никогда его не увидим. Несколько недель его будут допрашивать и пытаться, а затем продадут в рабство или убьют.

— Он всего лишь мальчик, — Поуп заговорил вкрадчиво, будто с буйным пациентом. — Пожалуйста...

Сверкнула сталь, и Поуп рухнул как подкошенный. Движение маски было молниеносным — я даже не поняла, что он сделал, пока Нэн не бросилась вперед. Пока не упала на колени с пронзительным криком, полным ужаса и боли. И это сломило меня.

Поуп! Небеса, только не Поуп! — Десятки обетов пронеслись в голове. — Всегда буду слушаться, никогда не буду поступать плохо, никогда не буду жаловаться на работу, только бы Поуп остался жив!

Но Нэн рвала на себе волосы и кричала, а если бы Поуп был жив, он никогда не позволил бы ей так делать. Он не смог бы этого вынести. Спокойствие Дарина в миг улетучилось. Его лицо побелело от ужаса, который проник и до самых моих костей.

Нэн, шатаясь, поднялась на ноги, нетвердо шагнула к маске. Он подался навстречу, словно хотел положить ей руку на плечо. Последнее, что увидела я в глазах моей бабушки, был страх. Маска взмахнул рукой, затянутой в перчатку, оставляя тонкую алую линию поперек горла Нэн. Эта линия стала шире, налилась красным, и ее тело упало на пол с глухим стуком. Глаза Нэн все еще оставались открыты и блестели от слез, а кровь лилась из раны на ковер, который мы вместе связали прошлой зимой.

— Сэр, — сказал один из легионеров. — До рассвета остался всего час.

— Заберите мальчишку, — маска даже не взглянул на Нэн. — И сожгите это место.

Он повернулся ко мне, и я отчаянно захотела слиться с тенью на стене за моей спиной. За всю свою жизнь я никогда и ничего так не желала, хотя и прекрасно понимала, насколько это глупо. Солдаты, что стояли по обеим сторонам, обменялись усмешками, когда маска сделал шаг мне навстречу. Мы встретились взглядами, и он словно почувствовал запах моего страха как кобра, увлеченная своей добычей. *Нет, пожалуйста, нет! Исчезнуть, хочу исчезнуть!*

Маска моргнул, какое-то странное выражение промелькнуло в его глазах — удивление или шок, сложно сказать. Да это и не важно. Потому что в этот самый момент Дарин вдруг вскочил с пола. Пока я съезжившись тряслась от страха, он распутал веревки. Он бросился на маску, вытянув руки, как хищник вытягивает когти, и вцепился ему

в горло. Ярость придала ему львиную силу. В этот миг он был точь-в-точь наша мать — медовые волосы блестели, глаза сверкали, рот искривился от дикого рыка.

Маска отступил в лужу крови, которая окружала голову Нэн, Дарин повис на нем, заваливая его на пол, осыпая ударами. В первый миг legionеры оцепенели от потрясения, но вмиг пришли в себя и кинулись на него с криками и бранью. Дарин успел выхватить кинжал у маски из-за пояса прежде, чем legionеры навалились на его.

— Лайя, — крикнул Дарин. — Беги!

Нет, Лайя. Помоги ему. Борись.

Но из головы не шел холодный взгляд маски, нечеловеческая жестокость в его глазах. «Мне всегда нравились темноволосые девушки». Он изнасиловал меня. А потом убьет.

Я вздрогнула и попятилась в коридор. Никто не остановил меня. Никто не заметил.

— Лайя! — кричал Дарин.

Никогда еще его голос не звучал с таким безумным отчаянием. Он приказывал мне бежать, но если бы я кричала вот так, он бы пришел на помощь. Он бы никогда меня не бросил. Я остановилась.

«Помоги ему, Лайя, — приказывал внутренний голос. — Сделай же что-нибудь!» Но его перекрывал другой, более настойчивый, более властный: «Ты не можешь спасти его. Делай, что он просит. Беги!»

Краем глаза я уловила, как вспыхнул огонь, донесся запах дыма. Один из legionеров поджег дом. Пламя поглощает его в считанные минуты.

— Свяжите его, но на этот раз как следует, и отведите в камеру для допросов.

Высвободившись из рук Дарина, маска потирал чело. Затем он увидел, как я пячусь в прихожую, но остался на удивление спокойным. Нехотя я взглянула ему в глаза, и он склонил голову.

— Беги, маленькая девочка, — сказал он.

Мой брат все еще сопротивлялся, и его крики пронзали меня насквозь. Я знала, что буду слышать их снова

и снова, каждый час, каждый день, пока не умру или пока все не исправлю. Я знала это.

И все же я побежала.

Тесные улочки и пыльные рыночные прилавки квартала книжников пронеслись мимо размытыми пятнами, словно обрывки кошмарного сна. С каждым шагом мой разум призывал меня вернуться, помочь Дарину. С каждым шагом это становилось все менее и менее вероятным, пока не стало и вовсе невозможным, и тогда единственной мыслью, стучавшей в голове, было бежать.

Солдаты преследовали меня, но я выросла среди этих приземистых глинобитных домишек и поэтому быстро оторвалась от погони.

Начало светать и с неистового бега я перешла на шаг. Спотыкаясь, я брела от переулка к переулку. Куда идти? Что делать? Мне нужен был план действий, но я не знала, с чего начать. Кто мог бы помочь мне или облегчить участь? Соседи наверняка прогонят меня прочь из страха за собственную жизнь. Я потеряла всю семью: Дарин в тюрьме, Нэн и Поуп мертвы. Моя лучшая подруга Зара исчезла во время облавы в прошлом году, а у остальных друзей свои заботы.

Я осталась совсем одна.

Когда взошло солнце, я оказалась в заброшенном здании в глубине самой старой части Квартала. Полуразрушенное строение припало к земле точно раненый зверь, заблудившийся в лабиринте развалюх. В воздухе стояла вонь от гнилья и отбросов.

Я притулилась в углу комнаты. Пряди волос выбились из косы и спутались. Красные стежки по подолу сорочки порвались и пестрели бахромой из ярких нитей. Этой осенью по случаю моего семнадцатого дня рождения Нэн украсила сорочку вышивкой, чтобы хоть как-то разнообразить мой серый и унылый гардероб. Это был один из немногих подарков, что она могла себе позволить.

А теперь она погибла. Как и Поуп. Как много-много раньше погибли мои родители и сестра. И вот теперь Дарин. Его забрали. Уволокли в камеру для допросов, и неизвестно, что меченосцы сделают с ним.

Жизнь соткана из стольких мгновений, которые ничего не значат. Но приходит день, когда единственный миг определяет каждую следующую секунду твоего будущего. Крик Дарина и стал тем мигом. Проверкой на мужество, на силу. И я ее провалила.

Лайя! Беги!

Почему я послушалась его? Я должна была остаться. Должна была сделать что-нибудь. Застонав, я обхватила голову. Я все еще продолжала слышать его крики. Где сейчас Дарин? Начался ли допрос? Брат будет беспокоиться о том, что случилось со мной. Его будет преследовать мысль, как его сестра могла оставить его.

Мельком я уловила движение в тени, и волосы на затылке встали дыбом. Крыса? Ворона? Тень шевельнулась, и внутри нее вспыхнули два злобных прищуренных глаза. Следом зажглось множество других таких же глаз.

«Галлюцинации, — я мысленно услышала голос Поупа, ставящего диагноз. — Следствие шока». Галлюцинации или нет, но тени выглядели вполне реально. Их глаза сияли огнем, точно крохотные звезды. Они окружали меня как гиены, становясь смелее с каждым шагом.

— Мы знаем, — шипели они. — Знаем о твоей слабости. Он умрет из-за тебя.

— Нет, — прошептала я. Но они правы, эти тени. Я бросила Дарина. Оставила его. И не имеет значения, что он сам велел мне так поступить. Как я могла оказаться такой трусливой?

Я сжала мамин браслет, но от прикосновения к нему стало только хуже. Мама сумела бы перехитрить маску. Она бы придумала что-нибудь, чтобы спасти и Дарина, и Нэн, и Поупа.

Даже Нэн оказалась смелее меня. Нэн, такая хрупкая, с горящими глазами. В ней был стальной стержень. Мама унаследовала ее огонь и передала его Дарину.

Но не мне.

Беги, маленькая девочка.

Тени подползали все ближе, и я закрыла глаза в надежде, что они исчезнут. В голове роились мысли, и я изо всех сил попыталась сосредоточиться.

Вдалеке слышались крики и стук башмаков. Если солдаты все еще ищут меня, то оставаться здесь рискованно.

Может быть, и правда — пусть они найдут меня и сделают то, что сделают? Я предала свою кровь. Я заслужила наказание.

Но все тот же инстинкт, что заставил бежать от маски, вынудил меня подняться. Я выскользнула на улицу, стараясь затеряться в прибывающей толпе народа. Встречные книжники поглядывали на меня кто — настороженно, кто — с сочувствием, хотя большинство вообще не обращали внимания. Это заставило меня задуматься о том, сколько раз я сама проходила мимо тех, кто бежал, тех, чей мир так же был разрушен?

В скользком от сточных вод переулке я остановилась передохнуть. Густой черный дым клубился над другой стороной квартала, растворяясь высоко в горячем небе. Горел мой дом. Джем, что варила Нэн, лекарства Поупа, рисунки Дарина, мои книги — все пропало. Все, что у меня было, исчезло в одночасье.

Не все, Лайя. Дарин еще жив.

Посреди переулка, всего в нескольких футах от меня, виднелась врезанная в землю решетка. Как и все решетки в квартале, она вела в катакомбы Серры: последнее пристанище мертвых, обитель призраков, крыс, воров... и, возможно, Ополчения книжников.

Не для них ли шпионил Дарин? Не Ополчение ли привело его в Оружейный квартал? Он отрицал это, когда маска спросил его, это было единственным разумным объяснением. Ходили слухи, что бойцы Ополче-

ния становятся все отважнее, привлекают в свои ряды не только книжников, но и маринцев, жителей свободной северной страны Маринии, и кочевников, чьи пустынные земли находятся под протекторатом Империи.

Поуп и Нэн никогда не говорили при мне об Ополчении. Но порой, поздними ночами, я слышала, как они шептались о том, что повстанцы освободили пленных книжников, напав на меченосцев. О набегах на торговые караваны Империи. О покушении на представителей высшего сословия — патрициев. Только бойцы Ополчения могли восстать против меченосцев. Неуловимые, они были единственным оружием книжников. Если кто-то и мог подобраться так близко к кузницам, то только они.

Ополчение может помочь мне, поняла я. Мой дом сожгли дотла, мою семью убили и все потому, что два повстанца выдали Империи имя Дарина. Если я смогу найти Ополчение и объяснить, что случилось, возможно, они помогут вызволить Дарина из тюрьмы — не только ради искупления, но и потому что они живут по Иззату, кодексу чести книжников. Лидер ополченцев — лучший и самый смелый книжник. Об этом мне рассказывали родители до того, как Империя их казнила. Если я попрошу помощи, Ополчение не отвернется от меня.

И я шагнула к решетке.

Я никогда не была в катакомбах Серры. Сотни миль туннелей и пещер змеились под городом, в некоторых гротах на протяжении столетий покоились кости. Правда сейчас уже никто не использовал склепы для захоронения.

Даже у Империи нет подробной карты всех катакомб. А если уж она, при всей своей мощи, не может выследить повстанцев, то как же я смогу их найти?

Ты не остановишься, пока не сделаешь этого.

Я подняла решетку, ведущую вниз, в черную дыру. Придется туда спуститься. Придется найти Ополчение. Потому что если я не найду повстанцев, у моего брата не будет ни единого шанса. Если я не уговорю их помочь нам, то больше никогда не увижу Дарина.

4: Элиас

Когда мы с Элен вышли на двор, там перед колокольней Блэклифа уже построились почти все три тысячи курсантов. До рассвета оставался еще час, но никто даже не выглядел заспанным. Наоборот, толпа напряженно гудела. В последний раз, когда кто-то сбежал из Академии, двор был покрыт инеем.

Каждый здесь знал, что сейчас произойдет. Я невольно сжимал и разжимал кулаки. Мне не хотелось этого видеть. Как и все остальные, я поступил в Блэклиф шестилетним ребенком и за четырнадцать лет в стенах школы видел телесные наказания тысячи раз. Что говорить, моя собственная спина являла собой карту здешних зверств. Но дезертирам доставалось больше всего.

Я чувствовал, что натянут как струна, но старался выглядеть как можно более равнодушным, так, чтобы выражение лица не выдавало моих эмоций. Преподаватели Блэклифа — центурионы — будут наблюдать за нами. Навлечь на себя их гнев, когда я так близок к побегу, было бы непростительной глупостью.

Мы с Элен прошли мимо учащих первых четырех курсов, новобранцев, которые еще не носят масок. Сегодня они смогут в полной мере познать кровавый нрав Блэклифа. Самым младшим едва исполнилось семь, старшим среди них — одиннадцать.

При виде нас с Эл новобранцы опустили глаза, поскольку к нам, старшекурсникам, им запрещено даже обращаться. Они стояли навтыжку, с пустыми, точно камень, лицами, мечи за их спинами располагались под углом ровно в сорок пять градусов, ботинки блестели глянцем. Даже самые маленькие успели усвоить главный урок Блэклифа: слушаться, подчиняться и держать рот на замке.

За новобранцами пустовало место — дань чести учащимся второго уровня, пятикурсникам. Именно на пятом году обучения многие из нас умирали, ибо как

только курсантам исполнялось одиннадцать, центурионы изгоняли их из Блэкклифа без одежды, еды и оружия, обрекая на четырехлетнюю борьбу за жизнь. Уцелевшие возвращались в Академию, получали свои серебряные маски и еще четыре года обучались как Кадеты, а следующие два — как Мастера.

Мы с Элен — старшие Мастера — как раз заканчивали последний год нашего обучения.

Центурионы, неподвижные как статуи, стояли в арках, окружающих двор, и следили за нами, держа руки на плетках в ожидании Коменданта Блэкклифа. Их маски давно слились с лицами, и любое подобие эмоций осталось лишь далеким воспоминанием.

Я коснулся своей маски рукой, желая сорвать ее хотя бы на минуту. Как и мои сокурсники, я получил ее в первый же день, как стал Кадетом, в четырнадцать лет. Но в отличие от остальных — и к большому ужасу Элен — гладкое жидкое серебро не проникло в мою кожу, как должно было. Возможно, потому что я снимал эту проклятую штуковину всякий раз, когда оставался один.

Я ненавидел маску с того самого дня, когда Пророк — святой человек в Империи — вручил мне ее в обтянутой бархатом коробке. Ненавидел, как она липла ко мне, точно паразит. Как она сжимала лицо, пытаясь превратиться в мою кожу.

Я — единственный курсант, чья маска не слилась с лицом, и мои недруги любили подкалывать меня этим. Позже маска, точно живая, начала борьбу, стремясь наконец стать неотъемлемой частью меня. В шею со спины впились крошечные серебряные нити. От этого по коже бежали мурашки и возникало чувство, что я — больше не я. Будто я больше никогда не буду собой.

— Витуриус, — окликнул меня лейтенант взвода Элен, долговязый рыжеволосый Деметриус, когда мы заняли свои места рядом с другими старшими Мастерами. — Кто это? Кто дезертир?

— Я не знаю. Декс с наемниками привели его, — я оглянулся в поисках своего лейтенанта, но тот еще не подошел.

— Я слышал, это курсант первого уровня, — Деметриус уставился на деревянную колоду, что возвышалась посреди площади рядом с колокольной. Булыжники вокруг нее были бурыми от крови. Это место порки. — Старший. Четверокурсник.

Мы с Элен обменялись взглядами. Младший брат Деметриуса тоже пытался дезертировать на четвертом году обучения в Блэклифе. Ему было десять. Он провел три часа по ту сторону ворот, прежде чем легионеры поймали и привели его к Коменданту — дольше, чем большинство беглецов.

— Может быть, это кто-нибудь из Мастеров, — Элен осмотрела ряды старших курсантов, пытаясь рассмотреть, нет ли среди них отсутствующих.

— Может быть, это Маркус? — предположил с улыбкой возвышающийся над всеми Фарис, солдат моего взвода. Его светлые волосы торчали непослушными вихрами. — Или Зак?

Нет, такой удачи не бывает. Маркус, темнокожий, желтоглазый, стоял в первом ряду рядом со своим близнецом Заком. Тот был несколькими минутами моложе, светлее и ниже ростом, но источал такую же злобу. Змей и Жаба, как называла их Элен.

Маска Зака еще не полностью прилегала к коже, особенно вокруг глаз, но у Маркуса слилась с лицом так плотно, что все его черты, даже широкие надбровные дуги, отчетливо проступали сквозь нее. Если бы он попытался снять сейчас свою маску, ему бы пришлось содрать вместе с нею пол-лица. Возможно, от этого он стал бы только симпатичнее.

Словно почувствовав взгляд Элен, Маркус обернулся и посмотрел на нее как хищник, как собственник, и мне сразу захотелось придушить его.

«Ничего вызывающего, — напомнил я себе. — Не надо ничем выделяться».

Я заставил себя отвести взгляд. Нападение на Маркуса перед всей школой, несомненно, будет как раз-таки вызывающим поступком.

Элен заметила плотоядный взгляд Маркуса, ее руки сжались в кулаки, но прежде, чем она успела преподать наглецу урок, сержант-гвардеец прошествовал на середину площади.

— Внимание!

Три тысячи тел подались вперед, три тысячи пар обуви щелкнули каблуками, три тысячи спин резко выпрямились, словно куклы на руке кукловода. В наступившей тишине можно было услышать, как падает слезинка.

Но мы не слышали приближения Коменданта Военной Академии Блэклифа. Мы почувствовали ее, как чувствуют надвигающийся шторм. Она ступала беззвучно, появившись из арки точно камышовая кошка из подлеска. Она была полностью в черном, от обтягивающего жакета униформы до туфель со стальными носами. Светлые волосы, как всегда, были стянуты в тугий узел на затылке.

Пока Элен не закончит Академию (что случится уже завтра), она является единственной женщиной-маской в Империи. Но в отличие от Элен, Комендант источает смертельный холод, как будто ее серые глаза и черты лица высечены из льда.

— Привести обвиняемого, — приказала она.

Пара легионеров выволокли из-за башни маленькую безвольную фигурку. Стоявший рядом со мной Деметриус заметно напрягся. Слухи подтвердились — дезертиром оказался курсант четвертого года, мальчишка не старше десяти лет. Кровь струилась по его лицу, впитываясь в воротник черной униформы. Когда солдаты бросили его к ногам Коменданта, он не шевельнулся.

Комендант взглянула на курсанта свысока, ее серебряное лицо не выражало никаких эмоций. Затем ее рука потянулась к поясу, где она носила черный шипованный стек из железного дерева. Но она не достала оружие наказания. Пока нет.

— Четверокурсник Фалькониус Барриус, — раздался ее голос, мягкий, почти нежный. — Ты покинул свой пост в Блэклифе и не собирался возвращаться. Объяснись.

— У меня нет объяснений, Комендант, сэр, — он произнес слова, которые все мы повторяли перед ней сотни раз. Единственное, что ты можешь сказать в Блэклифе, когда облажаешься по полной.

Настоящее испытание — никак не проявлять эмоций и сохранять безучастность. Сейчас Барриуса накажут за преступление, которое я совершу меньше чем через тридцать шесть часов. Через два дня я сам могу оказаться на его месте. Окруженный. Сломленный.

— Спросим мнения его сокурсников, — Комендант обратила взгляд на толпу, и нас словно обдало ледяным ветром, несущимся с горных вершин. — Виновен ли студент Барриус в измене?

— Да, сэр! — дружный крик потряс каменные плиты своей неистовой свирепостью.

— Легионеры, отведите его на плаху.

Рев студентов вывел Барриуса из ступора, и когда легионеры стали привязывать его к плахе, он извивался и сопротивлялся. Его сокурсники, те же самые мальчишки, с кем он боролся, потел и страдал все эти годы, стучали сапогами по булыжникам и трясли в воздухе кулаками. В первом ряду старших Мастеров Маркус выкрикивал одобрительные возгласы, в его глазах пылало порочное удовольствие. Он взирал на Коменданта с благоговением, как на божество.

Я почувствовал на себе взгляд. Один из центурионов наблюдал за мной. *Не должно быть ничего необычного.*

Я поднял кулак и одобрительно воскликнул вместе со всеми, ненавидя себя за это. Комендант достала стек, лаская его точно возлюбленного. Затем со свистом опустила на спину Барриуса. Его вздох эхом прокатился по двору, и каждый курсант затих. Всех объединила общая, пусть и мимолетная, жалость.

В Блэклифе так много правил, что попросту невозможно не нарушить их, пусть даже раз. Каждого из нас

в свое время привязывали к этой плахе. Все мы испытали на собственной шкуре удары этого стека.

Тишина длилась лишь мгновение. Затем Барриус закричал, и студенты взвыли в ответ, глумясь над ним. Маркус вопил громче всех, подавшись вперед и брызжа слюной от возбуждения. Одобрительно грохотал Фарис. Даже Деметриусу удалось выдавить один или два выкрика, хотя в его зеленых глазах читались пустота и отрешенность, как будто он находился совсем не здесь. Рядом со мной кричала и Элен, но в ее крике не было ликования, только строгая печаль. Правила Блэклифа предписывали голосом выражать свое возмущение предательством дезертира. И только поэтому она кричала.

Комендант, казалась, не замечала шума, сосредоточенная на своем деле, поднимая и опуская руку с грацией танцовщицы. Она кружила вокруг Барриуса, захватывая теперь и его тощие конечности. Перед каждым ударом она замирала на миг, вне всякого сомнения, чтобы подумать, как сделать следующий удар сильнее предыдущего.

После двадцати пяти ударов она схватила его за безвольно повисшую шею и повернула лицом к толпе.

— Посмотри на них, — потребовала она. — Посмотри на людей, которых ты предал.

Глаза Барриуса с мольбой окинули двор, ища хоть в ком-нибудь толику жалости. Ему следовало знать, что надеяться не на что. Его взгляд упал на каменные плиты. Крики одобрения вновь взорвали воздух, и стек снова опустился на его тело. И снова. Барриус обмяк, под ним стала быстро растекаться лужа крови. Его веки трепетали. Я надеялся, что он потерял сознание, что он больше ничего не чувствует.

Я заставил себя смотреть. Вот поэтому ты сбежишь, Элиас. Чтобы больше не участвовать в подобном.

Барриус испустил булькающий стон. Рука Коменданта упала, и во дворе воцарилась тишина. Я видел, как дезертир вдохнул. Выдохнул. И затем ничего. Ни единого крика.

Наступил рассвет. Первые лучи солнца озарили небо над черной колокольной и словно окровавленные пальцы легли на наши лица зловещим багровым оттенком.

Комендант вытерла стек об униформу Барриуса и сунула его обратно за пояс.

— Бросьте его в дюны, — приказала она легионерам. — К падальщикам.

Затем оглядела всех остальных.

— Долг превыше всего до самой смерти. Каждый предатель Империи будет пойман и заплатит за измену. Свободны.

Ряды курсантов стали редеть. Декс, что привел дезертира, тихо ускользнул, на его смуглое симпатичное лицо легла печать болезненной усталости. Фарис неуклюже увязался следом. Наверняка он хотел подбодрить Декса и предложить отвлечься в борделе. Деметриус удалился в одиночестве. Я знал, что он вспоминает тот день два года назад, когда он был вынужден наблюдать, как умирает его младший брат. Так же, как Барриус сегодня. Теперь к нему не подступиться несколько часов. Остальные курсанты быстро покидали двор, все еще обсуждая порку.

— Всего тридцать ударов, какой слабак..

— Слышал, как он вздыхал? Словно напуганная девочка..

— Элиас, — мягко позвала меня Элен, нежно коснувшись моей руки пальцами. — Пойдем. А то Комендант увидит тебя.

Она права. Все расходились. Я тоже должен уйти. Но я не мог двинуться с места. Никто не смотрел на кровавые останки Барриуса. Он — предатель, никто и ничто. Но кто-то должен остаться. Кто-то должен почтить его память, пусть даже в течение краткого мгновения.

— Элиас, — повторила Элен уже нетерпеливо. — Пойдем. Она увидит тебя.

— Мне нужна минута. — ответил я. — А ты иди.

Ей хотелось разубедить меня, но это привлекло бы внимание, и я не двигался с места. Поэтому она ушла,

лишь оглянулась напоследок. Когда Элен оставила меня, я поднял глаза и встретился взглядом с Комендантом.

Мы смотрели друг другу в глаза, стоя по разные стороны главного двора. И я поразился в сотый раз, насколько мы разные. Я — брюнет, она — блондинка. Моя кожа отликает бронзовым загаром, ее — бела как мел. Ее рот всегда недовольно изогнут, тогда как мой вид — само благодушие, даже когда на сердце скверно. К тому же я широкоплеч и высок ростом, намного выше шести футов, она же выглядит обманчиво хрупкой и миниатюрной, даже меньше, чем женщины-книжницы.

Но всякий, кто увидит нас рядом, непременно скажет, кто мы друг другу. От моей матери мне достались высокие скулы и светло-серые глаза. А еще безошибочное чутье и быстрота, что помогли мне стать самым лучшим курсантом, которого только видывал Блэклиф за двадцать лет.

Мать. Ей не подходит это слово. «Мать» значит тепло, любовь, нежность. А не годы молчания и непримиримой ненависти. Мать не бросает в пустыне свое новорожденное дитя.

Она научила меня многому, эта женщина, что произвела меня на свет. К примеру, выдержке и хладнокровию. Я заглушил гнев и отвращение, я избавил себя от всех чувств.

Она нахмурилась, губы ее искривились. Затем подняла руку к шее, ее пальцы пробежались по завиткам причудливой голубой татуировки, виднеющейся из-под воротника.

Я думал, что она подойдет и потребует ответа, почему я все еще здесь и осмелился смотреть на нее. Но она не подошла. Лишь задержала на мне взгляд дольше обычного, затем повернулась и скрылась в арке.

Колокол ударил шесть раз. Барабаны застучали, призывая всех курсантов в столовую.

Легионеры подняли останки Барриуса и унесли прочь. Площадь опустела. Я остался, в полной тишине созерцающий лужу крови там, где раньше находился мальчик. Я содрогнулся, осознавая, что если не буду осторожен, то закончу так же, как он.

5: *Лайя*

В катакомбах стояла абсолютная тишина, такая же жуткая, как безлунная ночь. Но нельзя сказать, что туннели были пусты — как только я пролезла сквозь решетку, по босым ногам пронеслась крыса, а в нескольких дюймах от моего лица спускался по нитям паутины паук размером с кулак. Я прикусила руку, чтобы не закричать.

Спассти Дарина. Найти Ополчение. Спассти Дарина. Найти Ополчение.

Иногда я шептала эти слова. Хотя чаще повторяла их мысленно. Они помогали мне идти дальше словно заклинание, отгоняющее страх и бодрящее разум.

На самом деле я точно не знала, что ищу. Лагерь? Убежище? Любой признак жизни, оставленный не грызунами?

Поскольку большинство гарнизонов Империи располагались к востоку от квартала книжников, я направилась на запад. Даже здесь, в этом заброшенном месте, я могла безошибочно определить, где всходило солнце, а где оно клонилось за горизонт, и где находилась столица Империи Антиум, расположенная на севере, а где — Навиум, главный южный порт. Это чутье было у меня столько, сколько я себя помню. Даже ребенком, когда Серра, должно быть, казалась для меня огромной, я всегда находила дорогу домой.

Это подбадривало меня сейчас — по крайней мере, я не буду ходить здесь кругами.

Какое-то время солнечные лучи пробивались в туннель через решетки катакомб, слабо освещая пол. Подавляя отвращение, я держалась за выщербленные стены склепов, откуда несло гниющими костями. В склепе хорошо прятаться, если патруль меченосцев подберется близко. «Кости — это всего лишь кости, — сказала я себе. — А патруль может убить».

При свете дня было проще отогнать сомнения и убедить себя, что я найду Ополчение. Но я бродила часами, и день в конце концов сменился ночью, точно завеса опустилась на глаза. Ночная мгла вернула страх, и он затопил меня словно река, прорвавшая дамбу. Я пугалась каждого шороха, боясь, что это наемник-убийца, каждый скрип мне казался писком полчища крыс. Катакомбы поглотили меня, как удав глотает мышь. Я дрожала, зная, что у меня и шансов выжить здесь не больше, чем у мыши.

Спаси Дарина. Найди Ополчение.

Голод стянул желудок в тугой узел, от жажды саднило горло. Вдруг я заметила факел, мерцавший вдалеке. Первым порывом было ринуться на свет как мотылек. Но факелами обычно отмечают территорию Империи, а в туннелях, вероятно, патрулируют плебеи, самое низшее сословие среди меченосцев. Если группа плебеев поймает меня здесь... даже представить страшно, что они сделают.

Я почувствовала себя пугливым затравленным зверьком, кем, собственно, Империя и считает меня и всех книжников. Император утверждает, что мы — свободные люди и живем под его покровительством. Но это неправда. Мы не можем владеть собственностью, нам запрещено посещать школу, и даже за мелкие проступки книжника могут продать в рабство.

Больше ни один народ не страдает от такой жестокости. Кочевники заручились соглашением: во время вторжения они безоговорочно приняли законы меченосцев в обмен на возможность свободного передвижения для своего народа. У маринцев свой козырь: удачное географическое положение и хорошо развитая торговля специями, мясом, железом.

Только к книжникам в Империи относятся как к отбросам.

«Тогда брось вызов Империи, Лайя, — слышу я голос Дарина. — Спаси меня. Найди Ополчение».

В темноте я стала продвигаться медленнее, почти красться. Туннель, по которому я шла, постепенно сужался, проход становился теснее. Пот градом катился по спине и все тело сотрясала дрожь — я ненавидела тесные пространства. Дыхание стало прерывистым. Где-то впереди капала вода. Как много призраков здесь обитает? Сколько духов, жаждущих мести, бродят по этим туннелям?

«Стоп, Лайя. Призраков не существует». В детстве я часами слушала сказки кочевников, что сочиняли легенды о мифических существах: Князе Тьмы и его помощнике Джинне, о привидениях, ифритах, рэйфах и упырях.

Иногда эти существа снились мне в кошмарах. Тогда именно Дарин утешал меня плачущую.

В отличие от кочевников, книжники не суеверны, и Дарин всегда обладал здоровым скептицизмом. «Здесь нет духов, Лайя. — Я и сейчас будто слышала его голос. Я закрыла глаза, представляя, что он рядом, и почти поверила в это. — Здесь нет духов. Их не существует».

Я коснулась браслета, как делала всегда, когда мне требовались силы. Серебро потемнело от налета, но я намеренно носила браслет таким, чтобы не привлекать внимания. Я провела по узорам из сплетенных линий, которые знала так хорошо, что порой видела их во снах.

Мама отдала мне браслет в последнюю нашу встречу. Мне тогда было пять. Это одно из немногих четких воспоминаний о ней: ее волосы пахли корицей, в глазах цвета штормового моря плясали искорки.

— Сохрани его для меня, мой маленький сверчок. Всего на неделю, пока я не вернусь.

Что бы она сказала сейчас, если бы узнала, что я сохранила браслет, но потеряла ее единственного сына? Что я спасла собственную шею и пожертвовала братом?

Исправь это. Спаси Дарина. Найди Ополчение.

Я опустила руку и остановилась. И почти сразу услышала за спиной какие-то звуки. Шепот. Шорох подошв

по камням. Если звуки шли из склепов, я вряд ли заметила бы, такие они были тихие. Слишком осторожные для наемников. Слишком беззвучные для Ополчения. Маска?

Мое сердце заколотилось, и я завертелась на месте, вглядываясь в крошечную тьму. Маски могут передвигаться во мраке так же легко, как призраки.

Я ждала, оцепенев, но в катакомбах снова все стихло. Я не шевелилась. Не дышала. И ничего не слышала. Крыса. Это просто крыса. Только, может быть, очень большая...

Когда я осмелилась сделать еще шаг, то уловила запах кожи и дыма — человеческий запах. Я присела на корточки и стала шарить по полу рукой, пытаюсь найти какое-нибудь оружие — камень, палку, кость — что угодно, чем можно было бы отбиться от преследователя. Затем трут ударил о кремень, воздух рассекло шипение, и спустя миг вспыхнул факел.

Я поднялась, закрывая лицо руками. Отблеск пламени мерцал сквозь сомкнутые веки. Когда наконец заставила себя открыть глаза, то различила шесть человек. Их лица скрывали капюшоны. Они окружили меня, нацелив стрелы прямо в сердце.

— Кто ты? — спросил один из них, выступая вперед.

Хотя его голос звучал так же холодно и бесстрастно, как у легионеров, он не был широк в плечах и высок, как меченосцы. Голые руки казались крепкими и мускулистыми, а движения гибкими и плавными. В одной руке он держал нож, в другой — факел. Я попыталась взглянуть ему в глаза, но не смогла их разглядеть под капюшоном.

— Отвечай!

После нескольких часов молчания я едва смогла выдать хрип.

— Я ищущу...

Почему я не обдумала это раньше? Не могла же я сказать им, что ищущу Ополчение. Никто, будь у него хоть одна извилина, не признался бы, что ищет повстанцев.

— Обыщи ее, — велел мужчина, когда я замолкла на полуслове.

Вторая фигура, легкая и женственная, перекинула свой лук за спину. Факел, потрескивая, горел за ее спиной, оставляя лицо в глубокой тени. Она выглядела слишком маленькой для меченосцев, а кожа рук не имела такого темного оттенка, как у маринцев. Вероятно, она принадлежала либо к книжникам, либо к кочевникам. Может быть, я смогу договориться с ней?

— Пожалуйста, — начала я, — позвольте мне..

— Замолчи, — оборвал мужчину, что говорил со мной только что. — Сана, есть у нее что-нибудь?

Сана — имя книжников, короткое и простое. Если бы она родилась в семье меченосцев, ее могли бы звать Агрипиной Кассиус, или Крисиллой Ароман, или еще как-нибудь так же длинно и пафосно. Но одно то, что она из книжников, не значило, что я в безопасности. Ходила молва о грабителях-книжниках, прятавшихся в катакомбах. По слухам, они вылезали через решетки, нападали, грабили и даже убивали любого, кто встречался им на пути, а затем снова ныряли в свое логово. Сана пробежалась руками по моим рукам и ногам.

— Браслет, — сказала она. — Возможно, серебро. Не уверена.

— Вы его не получите! — я отскочила от нее, и воры, что уже опустили луки, снова подняли их, целясь в меня. — Пожалуйста, отпустите меня. Я — книжница. Я одна из вас.

— Забери браслет, — велел мужчина. Затем дал знак остальным, и они заскользили по туннелю прочь.

— Сожалею, — вздохнула Сана. Сейчас ее рука сжимала кинжал. Я отступила на шаг.

— Не надо, пожалуйста, — я стиснула пальцы, пытаясь скрыть дрожь. — Он мамин. Это единственное, что осталось от моей семьи.

Сана опустила нож, но затем главарь воровской банды окликнул ее, заметив, что она замешкалась, и направился к нам. В тот же миг один из его людей подал знак:

— Кинан, тревога. Патруль наемников.

— Разбейтесь по парам и разойдитесь. — Кинан опустил свой факел. — Если они пойдут следом, уведите их от базы, а не то ответите за это. Сана, снимай с девчонки серебро и уходи.

— Мы не можем ее оставить, — возразила Сана. — Они найдут ее. Ты знаешь, что они с ней сделают.

— Не наша беда.

Сана не двигалась, и Кинан сунул ей свой факел. Когда он взял меня за руку, Сана вклинилась между нами.

— Да, нам нужно серебро, — сказала она. — Но не отнятое у наших же соплеменников. Отпусти ее.

Отрывистые голоса меченосцев доносились из глубины туннеля. Они еще не видели свет факелов, но наверняка вот-вот заметили бы.

— Черт возьми, Сана, — Кинан попытался обойти женщину, но она оттеснила его с неожиданной силой. Ее капюшон упал. Когда свет факела озарил ее лицо, я ахнула. Не от того, что она оказалась старше, чем я думала. И не потому, что лицо ее выражало неистовую злость. Все дело в том, что на шее у нее я увидела татуировку: крепко сжатый кулак, поднятый на фоне пламени. А под ним слово «Иззат».

— Вы... вы... — я не могла вымолвить ни звука.

Глаза Кинана метнулись к татуировке, и он выругался.

— На этот раз ты добилась своего, — процедил он Сане. — Теперь мы действительно не можем оставить ее. Если она расскажет им, что видела нас, легионеры будут рыскать по этим туннелям, пока не найдут нас.

Он резко потушил факел, схватил меня за руку и потащил за собой. Когда я споткнулась и ударилась о его спину, он на мгновение оглянулся, смерив меня свирепым взглядом. Меня овеяло его запахом, острым и смоляным.

— Прости...

— Молчи и смотри, куда идешь. — Он оказался ближе, чем я думала, его дыхание обдало теплом мое ухо. — Или я выбью из тебя дух и брошу в какой-нибудь склеп. А теперь пошевеливайся!

Я прикусила губу и последовала за ним, пытаюсь не обращать внимания на его угрозу и сосредоточиться на татуировке Саны.

Иззат. Это старорейский язык, на котором разговаривали книжники до того, как меченосцы вторглись на нашу землю и заставили всех говорить на серранском. Слово «иззат» имело много значений. Сила, честь, гордость. Но в прошлом столетии оно обрело новое значение: свобода. Это не банда грабителей. Это были ополченцы.

6: Элиас

Крики Барриуса терзали мой разум еще несколько часов. Я до сих пор видел, как падало его тело, слышал последний вздох, чувствовал запах крови на булыжниках.

Обычно смерть курсантов настолько не поражала меня. Да и не должна была. Костлявая с косой — наша давняя подруга. В Блэкклифе она следовала за нами неотступно и в какой-то момент настигала то одного, то другого. Но видеть, как умирал Барриус, было особенно тяжело. Потому и весь остаток дня на меня накатывала то рассеянность, то раздражение.

Мое странное настроение не осталось незамеченным. Во время боевой подготовки старших Мастеров я вдруг осознал, что Фарис в третий раз задает мне один и тот же вопрос.

— Выглядишь так, словно твоя любимая шлюха подцепила сифилис, — хмыкнул он, когда я пробормотал извинения. — Что с тобой, черт возьми, происходит?

— Ничего. — Я спохватился, услышав, как зло прозвучал мой голос, но было уже поздно. Такое никак не вяжется с Мастерами накануне выпуска. Должно быть, я не на шутку разволновался и меня прямо-таки разрывало от нетерпения. Фарис и Декс обменялись взглядами, полными скепсиса, и я сдержал на языке слова проклятия.

— Ты уверен? — спросил Декс. Он твердо следовал правилам. Всегда таким был. Каждый раз, когда он смотрел на меня, я чувствовал, что его мучает вопрос, почему моя маска до сих пор не приросла ко мне. «Отвали!» — так и хотелось ему сказать. Но я все же напомнил себе, что им движет отнюдь не праздное любопытство. Он — мой друг, и он на самом деле обеспокоен.

— Этим утром, — заговорил Декс, — во время наказания ты был...

— Эй, оставьте беднягу в покое, — сзади к нам подошла Элен, одарив улыбкой Декса и Фариса и обвивая рукою мое плечо. Мы вошли в оружейную. Она кивнула на стойку с мечами.

— Давай, Элиас. Выбери себе оружие. Я вызываю тебя, лучшего из трех.

Она повернулась к остальным и что-то пробормотала, пока я отходил.

Я взял тренировочный меч, взвешивая его в руке. В следующий миг повеяло холодком, и я ощутил ее присутствие за спиной.

— Что ты им сказала? — спросил я Элен.

— Что твой дед загонял тебя.

Я кивнул. Лучшая ложь та, что основана на правде. Мой дед — маска и, как многие маски, никогда не будет доволен результатом, если не он превосходит.

— Спасибо, Эл.

— Всегда пожалуйста. Лучше соберись в знак благодарности. — Она скрестила руки на груди, глядя, как я хмурюсь. — Декс — лейтенант твоего взвода, и ты не воздал ему должное за поимку дезертира. Он заметил. И весь твой взвод это заметил. И во время наказания ты был... не с нами.

— Если ты имеешь в виду, что я не жажду крови десятилетних мальчишек, то ты права.

Элен прищурилась. Я знал, что это значит: какая-то ее часть сочувствует мне, даже если сама она никогда этого не признает.

— Маркус видел, что ты остался после наказания. Теперь они с Заком убеждают всех, будто ты считаешь, что наказание было слишком жестоким.

Я пожал плечами. Можно подумать, что меня волнует, что про меня болтают Змей и Жаба.

— Не будь дураком. Маркусу хотелось бы за день до выпуска опорочить наследника клана Витуриа. — Она упомянула официальный титул моей семьи, одной из

старейших и уважаемых в Империи. — Он практически обвиняет тебя в подстрекательстве к мятежу.

— Он меня в этом обвиняет каждую неделю.

— Но на этот раз у него есть повод.

Наши глаза встретились, и на короткий миг я подумал, что Элен обо всем догадывается. Однако в ее взгляде не было ни гнева, ни осуждения. Только тревога.

Она перечислила по пальцам мои грехи.

— Ты был командиром взвода на посту, но не ты привел Барриуса. Твой лейтенант сделал это за тебя, а ты не воздал ему должное. Ты едва скрывал свое неодобрение, когда дезертира наказывали. Не говоря уж о том, что остался всего один день до выпуска, а твоя маска только-только начала сливаться с тобой.

Элен ждала ответа, и когда я промолчал, она вздохнула.

— Если ты не глупее, чем выглядишь, то должен понимать, как это смотрится со стороны, Элиас. Если Маркус доложит об этом Черной Гвардии, у них найдется предостаточно доказательств, чтобы нанести тебе визит.

От нехорошего предчувствия затылок закололо словно иголками. Задача Черной Гвардии — следить за преданностью поданных Империи. Их форма украшена эмблемой с птицей, а их командующий после избрания отрекается от своего имени и зовется Кровавым Сорокопутом.

Кровавый Сорокопут — правая рука Императора и второй по могуществу человек в Империи. Он имеет привычку сначала мучить своих пленников, а уж потом допрашивать. Если эти живодеры в черном явятся с полным визитом, меня ждут две недели лазарета. Весь мой план пойдет прахом.

Я старался не выдать своих мыслей Элен. Должно быть, это приятно — так искренне верить, что Империя опекает нас с особым тщанием. Почему я не могу быть как Эл или как кто-то еще? Потому что моя мать бросила меня? Потому что первые шесть лет своей

жизни я провел с кочевниками, которые научили меня жалости и состраданию вместо жестокости и ненависти? Потому что моими друзьями по детским играм были дети кочевников, маринцев и книжников вместо отпрысков знати?

Эл протянула мне меч.

— Встряхнись, — сказала она. — Пожалуйста, Элиас. Всего на один день. А потом мы будем свободны.

Верно. Свободны, чтобы стать преданными слугами Империи, чтобы вести людей на смерть в нескончаемых территориальных войнах с дикарями и варварами. Те из нас, кого не отправят к границам, будут командовать отрядами легионеров в городе и выслеживать бойцов Ополчения или шпионов-маринцев. Да уж, будем свободны. Свободны восхвалять Императора. Свободны, чтобы насиловать и убивать.

Странно только, что все это совсем не похоже на свободу.

Но я молчал. Элен права. Я и так привлек к себе лишнее внимание, а в Блэклифе это крайне рискованно. Кадеты здесь как голодные акулы, если дело касается подстрекательства к мятежу. Стоит им лишь запах учуять, как налетят толпой.

Весь остаток дня я изо всех сил старался вести себя так, как ведет себя маска накануне окончания Академии, то есть самодовольно и грубо. Словно покрыл себя грязью.

Когда выпало несколько драгоценных минут свободного времени и я вернулся в свою комнату, что больше напоминала тюремную камеру, то сразу сорвал маску и швырнул ее на койку. Я вздохнул от облегчения, когда жидкий металл разжал свои цепкие объятия. Увидев свое отражение в полированной поверхности маски, я скривился. Даже невзирая на густые черные ресницы, над которыми любят посмеиваться Фарис и Декс, глазами я так похож на мать, что во мне закипает ненависть каждый раз, когда смотрю на себя. Я не знал, кто мой

отец, да меня это больше и не заботило, но в сотый раз пожалел, что мне не достались его глаза.

После того как я сбегу из Империи это не будет иметь значения. Люди, глядя в мои глаза, увидят меченосца, а не Коменданта. Многие меченосцы обосновались на юге: в основном торговцы и ремесленники. Я стану одним из них.

Снаружи колокол пробил восемь раз. До выпуска осталось двенадцать часов, тринадцать — до того момента, как церемония закончится. Еще час на обмен любезностями. Клан Витурия — известная семья, мой дед непременно захочет, чтобы я пожал десятки рук. Но в конце концов я отделаюсь и затем...

Долгожданная свобода.

Никто из курсантов не дезертировал после окончания Академии. Зачем бы им это? Это адская жизнь в Блэкклифе заставляет их бежать. Но после окончания нам вверят дела и дадут собственный отряд легионеров. Мы получим деньги, статус, уважение. Даже безродные плебеи смогут жениться на знати, если станут масками. Никто в здравом уме не откажется от всех этих благ, особенно после четырнадцати с лишним лет обучения.

Вот поэтому завтрашний день будет идеальным для побега. В течение двух суток после выпуска будут проходить сумасшедшие вечеринки, обеды, балы, банкеты. Если я исчезну, никто и не подумает искать меня, по крайней мере, пока не кончатся торжества. Они решат, что я напился до беспамятства и отсыпаясь у кого-нибудь из друзей.

Камин притягивал взгляд — за ним скрывался лаз, который вел в катакомбы Серры. Три месяца у меня ушло на то, чтобы вырыть его. Еще пара месяцев — на то, чтобы укрепить и спрятать от пытливых глаз наемных патрулей. И еще два — чтобы составить карту маршрута, ведущего через катакомбы из города.

Семь месяцев бессонных ночей, оглядок, попыток вести себя, не вызывая подозрений. Если побег удастся, то это все того стоило.

Ударили барабаны, извещая о начале выпускного банкета. Спустя несколько секунд в дверь постучали. Черт возьми! Я рассчитывал встретить Элен не в казарме, да и одеться еще не успел.

Элен вновь постучала.

— Элиас, кончай завивать ресницы и выходи. Мы опаздываем.

— Подожди, — ответил я.

Когда я стянул с себя униформу, дверь открылась и вошла Элен. Увидев меня раздетым, она вспыхнула и отвернулась. Я приподнял бровь. Элен видела меня обнаженным десятки раз, когда я был ранен, или болен, или во время жестких силовых упражнений. Но сейчас, глядя на меня голого она не просто закатила глаза, но и бросила мне рубашку.

— Ты не мог бы поторопиться? — пробормотала она, нарушив гнетущее молчание.

Я снял парадную униформу с крючка и быстро застегнулся, нервничая от того, что ей так неловко.

— Ребята уже ушли вперед, сказали, что займут нам места.

Элен потеряла татуировку Блэклифа на шее сзади — четырехгранный черный алмаз с изогнутыми сторонами, который накалывают каждому курсанту Академии. Элен перенесла эту процедуру гораздо сдержанней, чем многие парни нашего курса, стойко и без слез, тогда как остальные скулили.

Пророки никогда не объясняли, почему они всегда выбирают только одну девочку на весь поток в Блэклифе. Не объяснили даже самой Элен. Но какой бы ни была причина, очевидно, что выбирали они отнюдь не наугад. Элен, может быть, и единственная здесь девушка, но вовсе не случайно она занимает третье место в рейтинге курсантов выпуска. Как не случайно и то, что задиры рано узнали, что лучше оставить ее в покое. Она умная, быстрая, беспощадная.

Сейчас, в черной униформе, с косой, венчающей голову, словно корона, она так же ослепительно красива,

как первый снег. Я поглядывал на ее длинные пальцы, замершие на затылке, смотрел, как она облизывает губы. И вдруг подумалось: а что, если поцеловать эти губы, подтолкнуть Элен к подоконнику, прижаться к ней, выдернуть шпильки из волос и ощутить мягкость платиновых локонов меж пальцев. Каково это будет?

— Элиас?

— Хмм... — Я вдруг понял, что беззастенчиво разглядываю ее, и сбросил оцепенение. Фантазируешь о своем лучшем друге, Элиас. Какой конфуз! — Извини. Просто... устал. Пойдем.

Она взглянула на меня со странным выражением, затем кивнула на мою маску, которая так и лежала на кровати.

— Это тебе может понадобиться.

— Верно. — Появиться без маски — преступление, которое неминуемо влечет за собой порку. С четырнадцати лет я не видел ни одного Мастера без маски. Так же, как никто из них не видел моего лица, кроме Элен.

Я надел маску, стараясь не содрогаться от той ярости, с которой она припала к коже. *Остался всего один день.* Потом я сниму ее навсегда.

Мы вышли из казармы под вечерний бой барабанов. Голубое небо окрасилось лиловым, знойный воздух пустыни становился прохладнее. Вечерние тени смешались с темными каменными стенами Блэкклифа, и теперь здания выглядели неестественно огромными. Невольно я обследовал тени, выискивая возможную угрозу, — привычка, выработанная у меня с пятого курса. На мгновение я почувствовал, будто тени тоже смотрят на меня. Но затем это ощущение прошло.

— Как ты думаешь, Пророки придут на выпуск? — спросила Элен.

Хотелось бы ответить нет. *У наших святых есть дела и поважнее, как например запереться в пещере и гадать на овечьих кишках.*

— Сомневаюсь, — только и сказал я.

— Думаю, это будет утомительно после пятисот лет, — вымолвила Элен без малейшего намека на иронию.

Я сморщился от явной глупости подобного высказывания. Как может кто-то такой умный, как Элен, всерьез верить, что Пророки бессмертны?

Хотя она не одна такая. Меченосцы верят, что Пророки завладевают душами мертвых и в этом кроется секрет их силы. Маски же в особенности почитают Пророков, ибо они решают, кто из детей меченосцев будет учиться в Блэклифе. Они же преподносят нам маски. Так же нас учат, что именно Пророки основали Блэклиф пять сотен лет назад.

Их всего четырнадцать, красноглазых ублюдков, но, когда они появляются, что бывает крайне редко, все считаются с их мнением. Многие первые лица Империи — генералы, Кровавый Сорокопут, даже Император — ежегодно совершают паломничество к горной берлоге Пророков, ища совета по государственным вопросам. И хотя любому, кто обладает хоть крупицей здравомыслия, абсолютно ясно, что они лишь горстка шарлатанов, Империя восхваляет их не только за бессмертие, но и за то, что они якобы могут читать чужие мысли и предсказывать будущее.

Большинство курсантов Блэклифа видят Пророков лишь дважды за все время обучения: когда поступают в Академию и когда получают свои маски. Но Элен всегда особенно привлекали эти святые, поэтому не удивительно, что она надеется увидеть их на церемонии выпуска. Я уважал Элен, но в этом вопросе не мог с ней согласиться.

Мифы меченосцев настолько же правдоподобны, насколько и сказки кочевников о джиннах и Князе Тьмы. Мой дед один из немногих, кто не верит в эту чушь о Пророках, и мысленно я повторил его мантру. *Острие меча — мой пастырь. Танец смерти — моя молитва. Смертельный удар — мое освобождение.* Мантра — это все, что мне было нужно. Пришлось

собрать волю в кулак, чтобы сдержать язык за зубами. Элен это заметила.

— Элиас, — сказала она. — Я горжусь тобой.

Ее голос звучал удивительно торжественно.

— Я знаю, что ты старался изо всех сил. Твоя мать... — Она оглянулась по сторонам и понизила голос — шпионы Коменданта рыскали повсюду. — Твоя мать обращалась с тобой жестче, чем с любимым из нас. Но ты доказал ей. Ты работал усердно. Ты все делал правильно.

При этом она говорила сейчас так искренне, что я дрогнул. Через два дня она изменит свое мнение. Через два дня она возненавидит меня.

Помни Барриуса. Помни, что тебе предстоит сделать после выпускного.

Я легонько толкнул ее в плечо:

— Что это вдруг за телячьи нежности?

— Забудь об этом, нахал, — она шлепнула меня по руке. — Я просто старалась быть милой.

Мой смех прозвучал нарочито бодро.

Они отправят тебя охотиться за мной, когда я убегу. Тебя и других, кого я называл братьями.

Мы вошли в столовую, и нас чуть не сбила с ног какофония звуков — смех, хвастовство, приглушенная болтовня трех тысяч молодых людей. В присутствии Коменданта так шумно не бывает, поэтому я немного расслабился, радуясь, что удастся избежать ее присутствия.

Элен потянула меня к одному из десятков длинных столов, где Фарис угощал остальных байками о своей последней вылазке в прибрежный бордель. Даже Деметриус, который со дня смерти младшего брата всегда выглядел подавленным, слабо улыбался. Фарис многозначительно взглянул на нас.

— Вы двое не торопились.

— Витуриус прихорашивался как раз для тебя, — Элен отодвинула гигантское тело Фариса, и мы сели. — Пришлось оттаскивать его от зеркала.

Остальные, кто сидел за столом, начали улюлюкать. Затем Леандр, солдат из взвода Элен, попросил Фариса закончить историю.

Рядом со мной Декс спорил со вторым лейтенантом Элен Тристасом, серьезным, темноволосым парнем с большими обманчиво-невинными голубыми глазами. На предплечье он носил татуировку с именем его невесты, Аэлии.

Тристас наклонился вперед.

— Императору почти семьдесят, и у него нет сына-наследника. В этом году, возможно, Пророки выберут нового Императора. Новую династию. Я разговаривал об этом с Аэлией...

— Каждый выпуск кто-нибудь думает, что как раз в этом году такое случится, — закатил глаза Декс. — И этого никогда не происходит. Элиас, скажи ему. Скажи Тристасу, что он — идиот.

— Тристас, ты — идиот.

— Но Пророк сказал...

Я коротко хмыкнул, и Элен бросила на меня укоризненный взгляд. *Держи свои сомнения при себе, Элиас.* Я положил еду в две тарелки, одну протянул ей.

— Вот, — протянул я. — Отведай помоев.

— И правда, что это? — Элен ткнула в пюре и нерешительно понюхала содержимое тарелки. — Навоз?

— Не нойте, — сказал Фарис с набитым ртом. — Вот кого жаль, так это пятикурсников — им приходится возвращаться к этой бурде после того, как четыре года они грабили фермы.

— Вообще жаль всех студентов первого уровня, — заметил Деметриус. — Можешь себе представить еще двенадцать лет здесь? Или тринадцать?

Большинство первокурсников в столовой смеялись, как и все остальные. Но некоторые поглядывали на нас с завистью, словно голодные лисы на львиный прайд.

Но мне представилось, что половина из них погибнут, их тела остынут, смех умолкнет. Впереди их ждут

годы мук и лишений. И столкнувшись с этим, они либо беспрекословно все примут, либо будут задавать вопросы, либо выживут, либо умрут. Тот, кто задает вопросы, обычно и умирает.

— Не похоже, чтобы они грустили по Барриусу, — слова вырвались у меня прежде, чем я успел сдержать себя. Я почувствовал, как рядом со мной напряглась Элен, точно вода превратилась в лед. Декс неодобрительно нахмурился, умолкнув на полуслове, и за столом воцарилось молчание.

— А с чего бы им грустить? — вмешался Маркус, что сидел через стол от нас вместе с Заком в компании друзей. — Этот подонок получил то, что заслужил. Мне бы только хотелось, чтобы это длилось дольше, чтобы он подольше помучился.

— Никто не спрашивал твоего мнения, Змей, — ответила Элен. — В любом случае, умер ребенок.

— Повезло ему, — Фарис приподнял вилкой неаппетитное варево и плюхнул обратно в железную тарелку. — По крайней мере, ему больше не придется это есть.

По столу прокатился тихий смешок, и разговор возобновился. Но Маркус уже почуял кровь, его злорадство, казалось, отравляло воздух. Зак пристально посмотрел на Элен и пробормотал что-то своему брату. Маркус не обратил на него внимания, уставившись на меня глазами гиены.

— Ты так расстроился сегодня утром из-за этого предателя, Витуриус. Он что, был твоим другом?

— Отвали, Маркус.

— Тоже проводил кучу времени в катакомбах.

— Что это ты хочешь сказать? — Элен потянулась к оружию, и Фарису пришлось взять ее за руку.

Маркус пропустил ее слова мимо ушей.

— Ты тоже собираешься дать деру, а? Витуриус?

Я медленно поднял голову. *Это всего лишь догадка. Он предположил наобум.* Он не мог этого знать. Я был

осторожен. Осторожность, проявляемая в Блэклифе, может показаться большинству людей паранойей.

Над нашими столами повисла тишина. *Отрицай это, Элиас. Они ждут.*

— Ты руководил караулом сегодня утром, не так ли? — продолжал Маркус. — Должно быть, ты встревожился, узнав, что предатель сбежал. Ты должен был поймать его. Скажи, что он заслужил это, Витуриус. Скажи, что Барриус заслужил свое наказание.

Это должно быть легко. Но я так не считал, вот в чем дело. Губы одеревенели. Слова не шли с языка. Барриус не заслужил того, чтобы его забили до смерти. Он был ребенком, мальчиком, запуганным настолько, что не мог остаться в Блэклифе, что рискнул всем, лишь бы сбежать.

Молчание постепенно распространялось по столовой. Некоторые из центурионов, сидевших за главным столом, начали посматривать на нас. Маркус встал. И мгновенно, точно течение быстрой реки, настроение присутствующих изменилось. Чувствовалось напряженное ожидание и любопытство. Сукин сын.

— Это поэтому твоя маска до сих пор к тебе не приросла? — не отставал Маркус. — Потому что ты не один из нас? Скажи это, Витуриус. Скажи, что предатель заслужил свою судьбу.

— Элиас, — прошептала Элен. Ее глаза молили. *Уступи. Всего на один день.*

— Он..

Скажи это, Элиас. Ничего не изменится, если ты скажешь.

— Он заслужил это.

Я холодно встретил взгляд Маркуса, и он ухмыльнулся, будто знал, как дорого дались мне эти слова.

— Это было очень тяжело, ублюдок?

Я даже обрадовался, что он оскорбил меня — это дало мне повод сделать то, чего так сильно хотелось. Я ринулся на него с кулаками. Но мои друзья ожидали

этого. Фарис, Деметриус и Элен тут же вскочили на ноги и удержали меня, заслоняя будто стеной проклятую ухмыляющуюся физиономию Маркуса.

— Нет, Элиас, — сказала Элен. — Комендант выпорет тебя за то, что ты начал драку. Маркус этого не стоит.

— Он — ублюдок...

— На самом деле ублюдок это ты, — отозвался Маркус. — По крайней мере, я знаю, кто мой отец. Меня не воспитывала горстка воняющих верблюдами кочевников.

— Ты — плебейская шваль...

— Старшие Мастера, — главный центурион подошел к нашему столу. — Какие-то проблемы?

— Нет, сэр, — ответила Элен. — Иди, Элиас, — пробормотала она. — Иди подыши. Я все улажу.

Кровь во мне еще бурлила. Я протиснулся к дверям столовой и вышел во двор, направившись к колокольне прежде, чем понял, куда иду.

Как, черт возьми, Маркус вычислил, что я собираюсь дезертировать? Как много он знает? Не так уж и много, если меня до сих пор не позвали к Коменданту.

Будь он проклят! Я близко. Так близко.

Я миновал двор, пытаюсь успокоиться. Жара в пустыне спала. Низко над горизонтом висел полумесяц, тонкий и красный, как улыбка каннибала. Вдали тускло сияли огни Серры, десятки тысяч масляных ламп казались ничтожными по сравнению с необъятной чернотой окружающей пустыни. На юге пелена дыма приглушала блеск реки. Повеяло запахами стали и кузницы — главные запахи города, известного исключительно своими солдатами и оружейными мастерскими.

Хотелось бы мне увидеть Серру в прежние времена, когда она была столицей Империи книжников. Во времена их правления большие здания служили библиотеками и университетами, а не казармами и тренировочными залами, как теперь. На улице Рассказчиков стояли подмостки и театры вместо оружейных рынков, где если и рассказывали истории, то только о войне и смерти.

Глупое, конечно, желание, все равно что хотеть летать. Невзирая на все свои знания астрономии, архитектуры, математики, книжники пали под натиском Империи. Красота Серры давно исчезла. Теперь это город меченосцев.

Свет далеких звезд слабо озарял небосвод. Давно забытая часть меня понимала, что это красиво, но удивляться этому, как когда-то мальчишкой, я уже не мог. Тогда я взбирался на колючее хлебное дерево, чтобы стать ближе к звездам, уверенный, что несколько футов помогут мне лучше их рассмотреть. Тогда весь мой мир состоял из песка, неба и заботы кочевника Саифа, который спас меня, обреченного на верную гибель. Тогда все было по-другому.

— Все меняется, Элиас Витуриус. Ты теперь не мальчик, а мужчина. У тебя есть обязанности мужчины и право выбора мужчины.

Я сжал в руке нож, хоть и не помнил, когда успел достать его, и приставил к горлу человека в капюшоне, так внезапно оказавшегося рядом со мной. Годы тренировок сделали мои руки твердыми как камень, но в мыслях царило смятение. Откуда взялся этот человек? Я мог бы поклясться жизнью каждого солдата своего взвода, что буквально секунду назад его здесь не было.

— Кто ты, черт возьми?

Он опустил капюшон, и ответ на мой вопрос предстал предо мной.

Пророк.

7: Лайя

Мы мчались по катакомбам, Кинан впереди меня, Сана — по пятам. Когда Кинан убедился, что мы оторвались от патруля наемников, он замедлил шаг и велел Сане завязать мне глаза. Голос его прозвучал так резко, что я вздрогнула.

Вот что случилось с Ополчением! Теперь это шайка бандитов и воров? Как такое произошло? Всего двенадцать лет назад Ополчение достигло пика своей мощи, повстанцы заключали союз с кочевниками и королем Маринии. Они жили по кодексу чести — Иззату, боролись за свободу, защищали невинных, ставя преданность своему народу превыше всего. Помнит ли еще Ополчение тот кодекс? Маловероятно. Помогут ли они мне? Смогут ли помочь?

«Ты заставишь их помочь», — снова зазвучал голос Дарина, уверенный и сильный, как в детстве, когда он учил меня читать или лазить по деревьям.

— Мы на месте, — наконец прошептала Сана после того, как мы прошагали, казалось, несколько часов. Я услышала стук и затем скрип открывающейся двери.

Сана провела меня вперед. Лицо овеял порыв прохладного воздуха, словно после смрада катакомб пахнуло весенней свежестью. Свет проникал через края повязки на глазах. Я уловила насыщенный запах зеленого табака и вспомнила папу, который курил трубку, когда рисовал для меня ифритов и прочих мифических тварей. Что бы он сказал сейчас, увидев меня в убежище Ополчения?

Я услышала невнятное бормотание. Теплые пальцы запутались в моих волосах, и спустя миг повязка с глаз упала. Кинан оказался прямо позади меня.

— Сана, — позвал он. — Дай ей немного листа нумы и уведи ее отсюда.

Он повернулся к другому бойцу, девушке всего на несколько лет старше меня, которая вспыхнула, когда он к ней обратился.

— Где Мэйзен? Радж и Нэйвид уже доложили?

— Что за лист нимы? — спросила я Сану, решив, что Кинан нас не услышит. Я никогда не слышала о такой, хотя выучила многие травы, работая с Поупом.

— Это опият. Он заставит тебя забыть несколько последних часов. — У меня расширились глаза, но она покачала головой. — Я не собираюсь тебе его давать. Не сейчас, во всяком случае. Присядь. Ты неважно выглядишь.

В пещере, где мы оказались, было настолько темно, что я не могла определить, насколько она большая. Повсюду голубым светом горели лампы, которые обычно встречались в лучших домах патрициев. Между ними мерцали смоляные факелы. Свежий ночной воздух проникал сквозь разломы в своде скалы, и я могла различить звезды, хоть и с трудом. Должно быть, я провела в ка-такомбах почти сутки.

— Здесь сквозняк, — Сана сняла свой плащ. Ее короткие темные волосы торчали как у взъерошенной сердитой птицы. — Но это дом.

— Сана, ты вернулась, — к нам приближался коренастый человек, поглядывая на меня с любопытством.

— Тэрик, — Сана поприветствовала его. — Мы наткнулись на патруль. И кое-кого прихватили по пути. Дашь ей немного поесть?

Тэрик исчез, и Сана усадила меня на ближайшую скамейку, не замечая взглядов, что бросали в нашу сторону остальные люди, находящиеся в пещере.

Мужчин и женщин здесь было поровну. Большинство носило темные закрытые одежды, и почти все держали наготове ножи и мечи, словно в любой момент ожидая налета Империи. Некоторые точили оружие, другие наблюдали за готовящейся на костре едой. Мужчины постарше курили трубки. Несколько человек спали на нарах вдоль стен.

Я откинула прядь волос с лица и осмотрелась. Сана, увидев мои черты, прищурилась.

— Твое лицо кажется... знакомым, — сказала она.

Волосы снова упали на лицо, и я не стала их убирать. Сана далеко не молода, так что в Ополчении она могла состоять довольно давно. И вполне могла знать моих родителей.

— Я, бывало, торговала на рынке джемом моей бабушки.

— Верно, — она все еще всматривалась. — Ты жила в Кварталах? Почему ты...

— Почему она все еще здесь? — Кинан, что все это время беседовал с группой бойцов в дальнем углу, теперь приближался к нам, откинув капюшон. Он оказался гораздо моложе, чем я ожидала, скорее мой ровесник, чем Саны. Наверное, поэтому она так рассердилась на его тон. На его лоб и глаза спадали огненно-рыжие пряди, такие темные у корней, что казались почти черными. Он был всего на несколько дюймов выше меня, но стройный и сильный, с утонченными изящными чертами книжников. Рыжая щетина пробивалась на щеках и подбородке, а на носу пестрели веснушки. Как и другие повстанцы, он имел при себе почти столько же оружия, сколько носят маски.

Я поймала себя на том, что разглядываю его, и тут же отвела взгляд, чувствуя, как к щекам хлынула краска. Теперь мне стало понятно, почему вспыхнула та девушка.

— Она не может остаться, — произнес он. — Уведи ее отсюда, Сана. Сейчас же.

Вернулся Тэрик и, услышав Кинана, грохнул передо мной тарелкой о стол.

— Не указывай ей, что делать. Сана не одна из твоих задуренных новобранцев. Она лидер нашей фракции, и ты...

— Тэрик, — Сана положила ладонь на его руку, но взгляд, которым она одарила Кинана, мог уничтожить камень. — Я дала девочке поесть и хочу выяснить, что она делала в туннелях.

— Я искала вас, — подала я голос. — Искала Ополчение. Мне нужна ваша помощь. Моего брата схватили вчера во время облавы...

— Мы не можем помочь, — перебил Кинан. — Нас и так мало.

— Но...

— Мы! Не можем! Помочь! — повторил он медленно, как будто несмышленому ребенку. Возможно, до той облавы холод в его глазах заставил бы меня замолкнуть. Но не сейчас. Не сейчас, когда Дарин нуждается во мне.

— Ты не лидер Ополчения, — возразила я.

— Я — его заместитель.

Он оказался выше, чем я ожидала, но все равно высоким его не назовешь. Я откинула волосы с лица и встала.

— Не тебе решать, останусь я или нет. Это решать лидеру, — я старалась выглядеть смелой, понимая, что если Кинан не согласится, то неизвестно, что делать дальше. Может быть, начать упрашивать?

Улыбка Саны была острой как лезвие.

— А девочка права.

Кинан двинулся на меня, пока не подошел вплотную, отчего мне стало не по себе. От него пахло лимоном, ветром и чем-то терпким вроде кедра. Он оглядел меня с головы до ног. Этот взгляд можно было бы счесть бесстыдным, если бы не легкое замешательство, сквозившее в его лице, будто он видел то, чего не мог понять. Его глаза оставались в тени, так что я не видела, какого они цвета — черные, карие или голубые. У меня возникло ощущение, что эти глаза видели меня насквозь, видели мою трусливую и слабую душу. Я скрестила руки и отвела взгляд, стесняясь своей рваной, грязной сорочки.

— Необычное украшение, — Кинан дотронулся рукой до браслета. Его палец чуть коснулся моей кожи, и по ней словно пробежали искры. Я отшатнулась, но он никак не отреагировал.

— Почернел весь, я мог и не заметить. Это ведь серебро, не так ли?

— Я его не украла, ясно? — Тело ломило, голова шла кругом, но я сжала кулаки, чувствуя одновременно страх и злость. — И если ты его захочешь снять, тебе сперва придется меня убить.

Кинан встретил мой взгляд холодно, и я лишь понадеялась, что он не распознал мой блеф. Мы оба знали, что убить меня — проще простого.

— Думаю, что так и сделаю, — процедил он. — Как твое имя?

— Лайя. — Он не спросил фамилии — книжники их редко берут.

Сана озадаченно смотрела на нас обоих.

— Я пойду за Мэйз...

— Нет, — Кинан уже отошел от меня. — Я сам его найду.

Я снова села, а Сана продолжала всматриваться в меня, очевидно, пытаюсь понять, почему мое лицо кажется ей знакомым.

Если бы она видела Дарина, то узнала бы тотчас. Он поразительно похож на маму, а ее никто не мог забыть. Папа был другой — всегда в тени. Он рисовал, планировал, думал. От него мне достались непослушные и черные как ночь волосы, золотистые глаза, высокие скулы и полные не улыбочивые губы.

В квартале никто не знал моих родителей, поэтому никто не задерживал взгляд на мне или Дарине. Но в лагере Ополчения было по-другому. Я должна была понять это.

Я поймала себя на том, что пристально смотрю на татуировку Саны, и внутри все сжимается при виде кулака и пламени. Мама носила над сердцем точно такую же. Папа рисовал ее не один месяц, доводя до совершенства, прежде чем ввести чернила под кожу.

Сана заметила, куда я смотрю.

— Когда мне сделали татуировку, Ополчение было совсем другим, — пояснила она, не задавая вопросов. — Лучше. Но все меняется. Наш лидер, Мэйзен, говорит, что мы должны быть смелее, идти в атаку. Многие из молодых борцов, те, кого учит Мэйзен, разделяют его убеждения.

Я видела, что Сана не очень этим довольна, и ждала, не скажет ли она еще что-нибудь, но в дальнем конце пещеры открылась дверь, затем показался Кинан и хромой седовласый человек.

— Лайя, — позвал Кинан. — Это Мэйзен. Он...

— Лидер Ополчения.

Я знала его имя, потому что ребенком слышала, как мои родители нередко говорили о нем. Я знала Мэйзена и в лицо, потому что его портрет висел на плакатах «Разыскивается» по всей Серре.

— Так это ты наша новообретенная сиротка? — мужчина подошел и остановился рядом со мной, махнув рукой, чтобы я не вставала поприветствовать его. Он попыхивал трубкой, зажатой в зубах, и дым окутывал его израненное лицо. Татуировка с символом Ополчения побледнела, но оставалась различимой: зелено-голубая тень на коже под горлом.

— Что тебе нужно?

— Моего брата Дарина схватили легионеры во главе с маской, — я пристально смотрела в лицо Мэйзена, пытаюсь понять, узнает ли он его имя, но не уловила никаких эмоций. — Прошлой ночью, во время облавы на мой дом. Мне нужна ваша помощь, чтобы освободить его.

— Мы не спасаем всяких бродяг, — Мэйзен повернулся к Кинану. — Больше не трать мое время попусту. Я постаралась подавить отчаяние.

— Дарин не бродяга. Его бы не схватили, если бы не ваши люди.

Мэйзин развернулся.

— Мои люди?

— Двое из ваших бойцов перед смертью выдали имя Дарина на допросе у меченосцев.

Мэйзен посмотрел на Кинана, ища подтверждения, и парень явно занервничал.

— Радж и Нэйвид, — не сразу ответил он. — Новые рекруты. Говорили, что работают над чем-то важным. Эран этим утром нашел их тела в западной части Квартала книжников. Я узнал несколько минут назад.

Мэйзен ругнулся и повернулся ко мне.

— Почему мои люди сдали имя твоего брата? Как они узнали о нем?

Если Мэйзен не знал про альбом, то и мне не стоило об этом говорить. Я сама не знала, что это значит.

— Не знаю. Может, они хотели, чтобы он к ним присоединился. Может, они дружили. Какой бы ни была причина, они навели Империю на нас. Маска, который убил их, пришел минувшей ночью за Дарином. Он... — голос мой срывался, но я прокашлялась и заставила себя договорить. — Он убил моих дедушку и бабушку. Забрал Дарина в тюрьму. И все из-за ваших людей.

Мэйзен глубоко затянулся, рассматривая меня, затем покачал головой.

— Я соболезную тебе. Правда. Но мы не можем тебе помочь.

— Вы... вы должны. Это долг крови. Ваши люди выдали Дарина.

— И заплатили за это жизнью. Ты не можешь просить большего, — мимолетный интерес, который проснулся в Мэйзене, угас. — Если мы будем помогать каждому книжнику, схваченному меченосцами, от Ополчения ничего не останется. Вот если бы ты была одной из нас... — Он пожал плечами. — Но ты — не одна из нас.

— А как же Иззат? — я схватила Мэйзена за руку, но он вырвал ее, гневно сверкая глазами. — Вы связаны кодексом чести. Вы должны помогать любому, кто...

— Кодекс распространяется на своих людей. Членов Ополчения. И их семьи. Тех, кто что-то сделал для нас. Кинан, дай ей лист нимы.

Кинан взял меня за руку. Я попыталась освободиться, но он держал крепко.

— Подождите, — не отступала я. — Вы не можете так поступить.

Подождал еще один боец, чтобы обуздать меня.

— Вы не понимаете. Если вы не вызволите Дарина из тюрьмы, они будут пытаться его, а потом продадут в рабство или убьют. А он — единственное, что у меня осталось.

Мэйзен уходил.